

Платон

ВТОРАЯ ТЕТРАЛОГИЯ

КРАТИЛ

ЛИЦА
РАЗГОВАРИВАЮЩИЕ:
ЕРМОГЕН, КРАТИЛ и
СОКРАТ.

Ерм. Хочешь ли; сообщим свое рассуждение и Сократу?¹

Крат. Если тебе угодно.

Ерм. Кратил этот говорит, Сократ, что правильное название каждой вещи прирождено ей

¹ Хочешь ли, сообщим свое рассуждение и Сократу? Аст (De vita et scriptis Platonis p. 274) полагает, что этот диалог потерял свое начало: но мы никак не думаем, чтобы кто-нибудь согласился с его мнением, кому известно, что Платону иногда нравилось вводить внимание читателя вдруг в самую средину предмета. Весьма подобно этому и начало Филеба: «Смотри-ка, Протарх, что намерен ты теперь говорить за Филеба, и против какого нашего положения хочешь спорить, если оно высказано не по твоим мыслям». Можно сравнить также начала Пира, Менона и некоторых других диалогов.

природою, и что не то ее имя, которым называют ее некоторые, условившись называть так и издавая часть своего голоса, но и у греков и у варваров есть прирожденная всем им правильность наименований. Так вот я и спрашиваю его: — имя ему «Кратил» — истинно или нет? — Он соглашается, что это действительное его имя. Ну, а Сократу? спросил я. — «Сократ», отвечает он. — Не так же ли и всем другим людям, — каким именем каждого называем, то и есть его имя? — Однако ж тебе-то имя не «Ермоген»², говорит он, хотя бы и все так называли тебя. — Когда же стал я спрашивать и усиливался узнать, что тут разумеется, он не объяснил мне ничего, а только смеется надо мною, показывая вид, что предоставляет собственному моему уму знать об этом. Между тем если бы он захотел высказать ясно, то привел бы к убеждению и меня, и я говорил бы то же, что говорит он. И так, если ты можешь как-нибудь разгадать³ оракул Кратила, то

² Кратил шутливо отказывал Ермогену в его имени, говоря, что оно никак к нему не идет, и имел в мысли, вероятно, то, что Ермоген и не красноречив, в чем сам он сознается, р. 408 В, и не богат, что показывает р. 384 С. Сравн. р. 407E sqq.

³ Кратил высказал свое мнение не открыто и ясно, а прикровенно и темно, как обыкновенно высказывались

я с удовольствием послушал бы. Или еще приятнее было бы удостовериться, что кажется самому тебе в рассуждении правильности имен, если бы ты захотел сказать это.

Сокр. Ермоген, сын Иппоника! есть старинная пословица, что прекрасное трудно ⁴, когда приступаешь к его изучению. Так-то и об именах — учение не маловажное. Если бы я слышал пятидесятидрахмовый урок Продика ⁵, по

провещатели. Поэтому провещание, *μαντεία*, есть положение, выраженное темно и прикровенно. Оттого хорошо идет сюда и глагол *συμβάλεῖν*, гадать. Может быть, здесь имелось в виду и то, что Кратил в этих вещах слишком много приписывал провещателю Эвтифрону.

⁴ О пословице: *χαλεπὰ τὰ καλὰ*, прекрасное трудно, см., кроме Схолиаста к этому месту, *De Republ.* IV, р. 435 С. VI, р. 497 С. Hipp. Mai. р. 304. 3.

⁵ Сократ искусно подшучивает и над хвастовством софиста, требовавшим за свои уроки по пятидесяти драхм, и над своею бедностью, которая не позволяла ему принадлежать к служителям дорогой его мудрости. О дружеских отношениях Сократа к Продику см. прекрасные места *Protagor.* р. 341 *A Charmid.* р. 163D. Софист учил так, что, смотря по содержанию урока, или даже по различию слушателей, требовал и различного вознаграждения. Да и автор Аксиоха (с. 6) говорит, что Продик преподавал иное за полдрахмы с каждого слушателя, иное за две драхмы, иное за

выслушании которого, говорить он, становишься знающим это; то ничто не помешало бы тебе сейчас узнать истину о. правильности имен: но я не слышал его, а слышал драхмовый; так не знаю, сколько тут истинного. Я готов исследовать это сообща с тобою и Кратилом. А что имя тебе, говорит он, поистине не «Ермоген», то я подозреваю здесь его шутку. Может быть, он думает, что ты, стараясь собирать деньги, всякий раз встречаешь неудачи. Но я уже сказал, что знать такие вещи трудно; надобно это дело рассмотреть сообща, — как ты будешь говорить о нем, и как Кратил.

Ерм. Что касается до меня, Сократ, то, часто-таки разговаривая об этом со многими другими, я не мог убедиться, будто есть какая-то иная правильность имен, кроме утвержденной условием и согласием; ибо мне кажется, что какое кто чему дал имя, такое и правильно. И если бы опять одно название заменено было другим, то первое было бы уже нехорошо, хотя и последнее тоже не более правильно. Когда, например, мы даем другие имена своим слугам; тогда имя новое не

четыре. Из настоящего места мы узнаем, что он рассуждал также περὶ ὀνομάτων ὀρθότητος, — и это были уроки дорогие, пятидесятидрахмовые, стоившие около десяти рублей (Aristot. Rhetor. III, 14).

более бывает правильно, как и прежде; ибо ничему никакое имя не прирождается от природы, но все имена зависят от закона и обычая лиц, которые приурочивают и называют вещи. Если же это не так, я готов поучиться и слушать не только Кратила, но и всякого другого.

Сокр. Может быть, и есть что-то в словах твоих, Ермоген; но рассмотрим положение: как кто называет каждую вещь, так ей и имя.

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Хотя бы частный человек называл, хотя бы город?

Ерм. Полагаю.

Сокр. Но что, если я назову какую-нибудь вещь, например то, что теперь мы называем человеком, — если это самое я назову лошадью, а теперешнюю лошадь человеком: ведь общественное имя одному и тому же предмету будет тогда «человек», а частное «лошадь»; и опять — частное имя «человек», а общественное «лошадь»? Согласен?

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Хорошо; скажи мне вот что: называешь ли ты что-нибудь — говорить истинно и ложно?

Ерм. Называю.

Сокр. Не возможна ли одна речь истинная^б, а другая ложная?

Ерм. Конечно.

Сокр. Не правда ли, что кто о сущем говорит, что оно есть, тот говорит истину, а кто утверждает, что его нет, тот лгун?

Ерм. Да.

Сокр. Стало быть, возможно словом выражать то, что есть, и то, чего нет?

Ерм. Конечно.

Сокр. Слово истинное в целом ли только бывает истинным, а части его не истинны?

Ерм. Нет, и части.

^б Общий очерк того, о чем рассуждают здесь Сократ и Ермоген, можно сделать так: Сократ учит, что кто хочет давать имена вещам, тот не должен следовать слепому произволу, не подчиняясь никакому закону, но обязан иметь в виду некоторую норму, чтобы при чтении букв взимаема была в рассмотрение самая природа всякой вещи: ибо, как верною речью почитается та, которая во всем своем составе согласна с природою вещей, к которым относится; так и имена, поколику части речи, должны представлять природу указываемых ими вещей. А отсюда Сократ заключает, что правильное значение имен не должно быть почитаемо в исключительной зависимости ни от природы самых вещей, ни от человеческого произвола. Однако ж это не заставляет Ермогена отступить от своего мнения; он никак не допускает, чтобы приложение имен могло быть даже правильно, если оно не произвольно.

Сокр. Большие ли только части истинны, а меньшие нет, или все?

Ерм. Я думаю, все.

Сокр. В том, что ты говоришь, есть ли часть меньшеимени?

Ерм. Нет, это самая малая.

Сокр. Следовательно, имя, заключающееся в речи истинной, произносится?

Ерм. Да.

Сокр. И само оно истинно, говоришь ты?

Ерм. Да.

Сокр. А речи лживой часть не лжива ли?

Ерм. Полагаю.

Сокр. Стадо быть, можно произнести имя и ложное и истинное, если можно произнести речь?

Ерм. Как не можно!

Сокр. Но как кто назовет вещь, так ей и имя?

Ерм. Да.

Сокр. И сколькими бы кто ни назвал вещь именами, столько их и будет? И тогда будет, когда назовет?

Ерм. У меня, Сократ, нет иной правильности имени, кроме той, что каждую вещь я могу назвать другим именем, какое ни придам ей, а ты — другим, какое ни придашь. Вижу, что так и в городах, — каждый к одним и тем же предметам иногда прилагает имена собственно для себя, — и эллины особо от иных эллинов, и эллины особо от

варваров.

Сокр. Хорошо, увидим, Ермоген, таковыми ли представляются тебе вещи, что сущность их есть особая для каждого, — как говорил Протагор, полагая, что мера всех вещей есть человек⁷, то есть какими представляются предметы мне, таковы они для меня, а какими тебе, таковы для тебя; или вещи, по твоему мнению, в самих себе имеют некоторую основу сущности.

Ерм. Некогда, Сократ, и я, колеблясь сомнением, приходил к тому, что говорит Протагор; однако ж это, мне кажется, не совсем так.

Сокр. Что? Ты уже приходил к тому, что тебе не казалось, чтобы был кто-нибудь человеком злым?

Ерм. Нет, клянусь Зевсом; напротив, часто-таки я и сам терпел, так что некоторые люди мне кажутся очень злыми, даже весьма многие.

Сокр. Что ж? а людей очень добрых тебе еще не представлялось?

Ерм. Весьма немного.

Сокр. Так представлялись?

⁷ Это учение Протагора раскрыто Платоном во многих диалогах, и мы много раз объясняли его во вступительных своих рассуждениях и примечаниях. См. Protagor.; Theaet.p. 152A, 177C. Apolog. 28E. Gorg.p. 512Aetai.

Ерм. Представлялись.

Сокр. Как же ты полагаешь это? Не так ли, что люди очень добрые — очень умны, а очень злые — очень безумны?

Ерм. Мне кажется, так.

Сокр. Но возможно ли, если Протагор говорил истину, — если, то есть, истина⁸ в том, что каждому из нас кажется, то и есть, — возможно ли, чтобы одни из нас были разумны, а другие безумны?

Ерм. Конечно нет.

Сокр. И это-то, я думаю, тебе очень кажется, что если есть разумность и неразумность, то решительно невозможно, чтобы Протагор говорил истину, потому что один, по правде, ничем не был бы умнее другого, если бы что каждому представляется, то для каждого было бы и истинно.

Ерм. Так.

Сокр. Равным образом не кажется тебе,

⁸ Если, то есть, истина — в том. Сократ и здесь и в следующих далее словах, по-видимому, указывает на сочинение Протагора, озаглавленное словом Ἀλήθεια. Подобное косвенное указание мы видим и в Тезтете р. 171 С: οὐδενὶ ἂν εἴη ἡ Πρωταγόρου ἀλήθεια ἀληθής. Ib. p. 162 ἀ: εἰ. ἀληθής ἢ Ἀλήθεια Пр. Ибо в этом сочинении объяснялось знаменитое его мнение о человеке, как мере всех вещей.

думаю, и учение Эвтидема, что для всех вместе и всегда все равно; ибо тогда не было бы ни добрых, ни злых, если бы добродетель и порок были равны для всех.

Ерм. Справедливо говоришь.

Сокр. А когда и не для всех все вместе и всегда равно⁹, и не для каждого в каждой вещи свое, так уже явно, что есть предметы, имеющие

⁹ Опровергнув умствование Протагора, Сократ видит, что Ермоген, если только не хочет он противоречить самому себе, не может одобрить и положение Эвтидема, который природу вещей почитал везде тою же, и по этому случаю из вышеприведенных посылок выводит заключение о ничтожестве Эвтидемова мнения. Эвтидем держался воззрения Протагорова, которое однако, чтобы привести к нему что либо новое, несколько изменил. По его понятию, вещи таковы, какими кому кажутся, следовательно для всех вообще людей везде и непрестанно они те же. Он разумел здесь, без сомнения, всегдашнее тожество производимых вещами впечатлений, поколику они берутся отвлеченно. Вот как мнения Протагора и Эвтидема различает Прокл, р. 15: «Иное, говорит он, учение Протагорова, иное Эвтидемово; по смыслу первого, не представляется ничего подлежащего, что было бы таково или таково, кроме чувствуемого чрез смешение вещей деятельных и страдательных, а по взгляду Эвтидемову, каждое неделимое производит все вместе и всегда, и производит все справедливое. И так, эти софисты, вышедши из различных начал, сошлись в одном заключении».

какую-то непреложную сущность сами¹⁰ в себе, не для нас и не от нас, — влекомые нашим представлением туда и сюда, — но существующие по себе, для своей сущности, с которою срослись.

Ерм. Это, Сократ, мне кажется, так.

Сокр. Неужели же сами они таковы, а действия их не такого свойства? Или и это самое — действия — не есть ли один какой-то вид вещей?

Ерм. Конечно, и это.

Сокр. Стало быть, и действия совершаются по их природе, а не по нашему мнению. Если, например, мы возьмемся что-нибудь существующее рассечь, то надобно ли нам отдельную вещь рассекать, как бы мы ни захотели и чем бы ни захотели, или, желая известный предмет рассечь, мы будем это делать согласно с природою, чтобы, то есть, и рассекать его, и он отсекался естественно? Ведь тогда только, отсекая его, мы успеем в этом и поступим правильно: напротив, отсекая вопреки природе, погрешим и ничего не сделаем?

Ерм. Мне кажется, так.

¹⁰ Силу и природу вещей почитает Сократ не субъективною, о которой надобно судить в зависимости от чувственных наших ощущений, а скорее объективною, которая существует сама по себе и от извне не зависит.

Сокр. Равным образом, если мы возьмемся жечь, следуя ли всякому мнению будем жечь, или только правильному? А это мнение, — то, по которому каждый предмет жгут, и он жжется, — естественно и согласно с природою.

Ерм. Так.

Сокр. Не так ли и прочее?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но и говорить не есть ли одно из действий?

Ерм. Да.

Сокр. Так ли говоря, как кому покажется говорить, будет он говорить правильно, или больше успеет и скажет, если начнет говорить о вещах естественно и как позволяют они говорить о себе, а когда не так, — погрешит и ничего не сделает?

Ерм. Мне кажется, так, как ты говоришь.

Сокр. Но наименование не есть ли часть говора? ибо выражают речи, вероятно, именами.

Ерм. Конечно.

Сокр. Не есть ли и наименование некоторое действие, если и говор о вещах был некоторым действием?

Ерм. Да.

Сокр. Действия же представлялись нам действиями не для нас, но чем-то имеющим собственную свою природу.

Ерм. Так.

Сокр. Поэтому, не следует ли и именовать вещи так, как и чем естественно именоваться им, а не так, как мы захотели бы, если думаем устоять в прежних своих соглашениях? И таким образом мы успешнее были бы в наименовании, а иначе нет.

Ерм. Видимо.

Сокр. Хорошо же; что надлежало рассечь, то надлежало, говорили мы, рассечь чем-нибудь?

Ерм. Да.

Сокр. Также, что надлежало ткать, надлежало ткать чем-нибудь, и что надлежало просверлить, надлежало просверлить чем-нибудь?

Ерм. Конечно.

Сокр. А что надлежало назвать, надлежало назвать чем-нибудь?

Ерм. Так.

Сокр. что же будет то, чем надлежало просверлить?

Ерм. Бурав.

Сокр. А то, чем ткать?

Ерм. Челнок.

Сокр. А то, чем назвать?

Ерм. Имя.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Стало быть, и имя есть некоторое орудие.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но если бы я спросил: что за орудие челнок? Не то ли это, чем ткут?

Ерм. Да.

Сокр. А что делаем мы, когда ткем? Не уток ли, и не разделяем ли сплошную основу?

Ерм. Да.

Сокр. Не то же ли скажешь ты и о бураве, и о прочем?

Ерм. Конечно.

Сокр. Так не сказать ли того же и об имени? Назвав имя орудием, что делаем мы им?

Ерм. Не могу сказать.

Сокр. Не учим ли чему друг друга, и не различаем ли вещей, каковы они?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, имя есть орудие какое-то учительное и назначенное для разделения сущности, как челнок для разделения основы.

Ерм. Да.

Сокр. А челнок есть орудие ткацкое?

Ерм. Как же не ткацкое!

Сокр. Стало быть, ткач будет действовать челноком хорошо; хорошо же, — значит, по-ткацки. А учитель будет пользоваться именем хорошо; хорошо же, — значит, по-учительски.

Ерм. Да.

Сокр. Но чьим делом ткач действует хорошо, когда действует челноком?

Ерм. Делом плотника.

Сокр. Всякий ли — плотник, или только тот,

кто знает искусство?

Ерм. Кто знает искусство.

Сокр. Чьим делом хорошо действует сверлильщик, когда действует буровом?

Ерм. Дедом кузнеца.

Сокр. А всякий ли кузнец, или только тот, кто знает искусство?

Ерм. Кто знает искусство.

Сокр. Пускай. Но чьим делом пользуется учитель, когда пользуется именем?

Ерм. И этого не могу сказать.

Сокр. И того-то не можешь ты сказать, кто передал нам имена, которыми мы пользуемся?

Ерм. В самом деле не могу.

Сокр. Не кажется ли тебе, что передал нам их закон?

Ерм. Походит.

Сокр. Стало быть, учитель пользуется делом законодателя¹¹ когда пользуется именем?

¹¹ Ὁ νόμος, закон, имеет также значение обычая, или навыка; поэтому Ермоген еще выше признал, что имена, по его мнению, прилагаются к вещам νόμος καὶ ἔθει τῶν ἐδιδάκτων. Имея это в виду, Сократ теперь спрашивает; Ἄρ οὐχὶ νόμος δοχεὶ σοὶ εἶναι ὁ παραδούς ταῦτα; и чрез это самое приходит к тому следствию, что νομοδέτου ἄρα ἐργῶ χρήσεται к.т.λ. Таким образом, чтобы собеседнику легче было отвечать, Сократ спрашивает теперь не о самом налагателе имен, а скорее о том, кто передал их. Из этого ясно, почему здесь

Ерм. Мне кажется.

Сокр. А законодателем кажется тебе всякий человек, или только тот, кто знает искусство?

Ерм. Кто знает искусство.

Сокр. И так, давать имена, Ермоген, есть дело не всякого человека, а только художника имен. А художник их, как видно, есть законодатель, который из художников между людьми весьма редкий.

Ерм. Походит.

Сокр. рассмотри же теперь, на что смотря, законодатель дает имена? исследуй это из прежнего. На что смотря, плотник делает челнок? Не на то ли, что способствует тканию?

Ерм. Конечно.

Сокр. Что же? если челнок, когда он делает его, раскалывается, то, смотря ли на расколовшийся, будет он делать другой, или на тот вид, по которому делал и расколовшийся?

Ерм. Мне кажется, на тот вид.

Сокр. Так не совершенно ли справедливо тот вид назовем мы челноком самим в себе?

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Если же челнок делается, для тонкой ли то или толстой, для льняной или шерстяной

ткани, — вообще для какой бы ни было; то не надобно ли смотреть на вид челнока, и для какой именно ткани был бы он наилучшим, не таким ли по природе следует и приготавливать его для каждой работы?

Ерм. Да.

Сокр. И в отношении к прочим-то орудиям тот же способ. Изобретши для неделимого орудие, свойственное ему по природе, надобно полагать его в той материи, из которой оно сделано, и полагать не как сам хочешь, а как свойственно; потому что бурав, например, по природе надобно к неделимому уметь полагать в железе.

Ерм. Конечно.

Сокр. А челнок, по природе свойственный неделимому, — в дереве.

Ерм. Так.

Сокр. Ибо особый челнок у нас по природе был, как видно, для каждого рода ткани; то же и о прочем.

Ерм. Да.

Сокр. Так и имя, свойственное по природе неделимому, почтеннейший; не должно ли тому законодателю уметь полагать в звуках и слогах и, смотря на это самое, что такое имя, составлять и придавать все имена, если он хочет быть верным их придавателем? — А что каждый законодатель полагает название не в тех же самых слогах, то

относительно этого не должно оставаться в незнании. Ведь и всякий кузнец, делая то же самое орудие для той же самой вещи, полагает его не в то же самое железо, хотя, из другого ли железа сделано оно, здесь ли сделано, или у варваров, пока имеется в виду одна и та же идея, — оно правильно. Не так ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. Таким образом, не допустишь ли ты, что законодатель и здесь и у варваров, пока он держится вида имени, приличного неделимому в каких бы то ни было слогах, ничем не хуже законодатель здесь, как и во всяком другом месте?

Ерм. Конечно.

Сокр. Кто же будет знать, приличный ли челноку вид положен в каком-нибудь дереве? Сделавший ли его плотник, или пользующийся им ткач?

Ерм. Больше правдоподобно, Сократ, что пользующийся.

Сокр. А кто будет пользоваться делом лирщика? не тот ли, кто умеет наилучшим образом наблюдать над работающим и судить о его работе, хорошо ли она произведена, или нет?

Ерм. Конечно.

Сокр. Кто, то есть?

Ерм. Цитрист.

Сокр. А судить о работе кораблестроителя?

Ерм. Кормчий.

Сокр. Но кто в состоянии наилучшим образом наблюдать над делом законодателя и судить о его работе, как здесь, так и у варваров? Не тот ли, кто будет ею пользоваться?

Ерм. Да.

Сокр. А это не тот ли, кто умеет спрашивать?

Ерм. Конечно.

Сокр. Равно как и сам отвечать?

Ерм. Да.

Сокр. Умеющего же спрашивать и отвечать иначе ли назовешь ты, чем диалектиком?

Ерм. Не иначе, а так.

Сокр. Стадо быть, строить руль есть дело плотника, под надзором кормчего, если руль должен быть построен хорошо.

Ерм. Явно.

Сокр. А давать имя-то есть, как видно, дело законодателя, состоящего под надзором диалектика, если имена должны быть даваемы хорошо.

Ерм. Так.

Сокр. Поэтому не худо должно быть и то, как ты думаешь; Ермоген, — что, то есть, прикладывание имен есть дело не плохих и не случайных людей; да справедливо говорит и Кратил, утверждая, что вещи получают свои имена от природы и что не всякий есть составитель имен,

а только тот, кто смотрит на имя каждого предмета в отношении к природе и может вид сего полагать в буквах и слогах.

Ерм. Я не нахожу, Сократ, что надлежало бы противопоставить твоим словам. Впрочем, не легко так вдруг согласиться с тобою; мне кажется, скорее можно поверить тебе, если ты покажешь, что, по твоему мнению, составляет правильность имени по природе.

Сокр. Я, почтеннейший Ермоген, не говорю ни о какой правильности; ты забыл сказанное мною немного прежде, что я не знаю этого и что могу рассматривать это только вместе с тобою. И вот теперь, когда мы, я и ты, рассматриваем это, нам, против прежнего, представляется уже так много, что имя имеет у нас какую-то правильность по природе, и что не всякому человеку подручно уметь хорошо прилагать его к чему бы то ни было. Не так ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. И так, после сего мы должны исследовать, если желаешь знать, что такое его правильность.

Ерм. Да, я конечно желаю знать.

Сокр. рассматривай же.

Ерм. Но каким образом рассматривать?

Сокр. Самое правильное дело, друг мой, рассматривать с знающими, платя им деньги и

воздавая благодарность. Такие люди — софисты, переплатив которым много денег, и брат твой Каллиас¹² кажется мудрецом. А так как ты не распоряжаешься отцовским наследством, то должен докучать брату и просить его, чтобы он научил тебя правильности касательно этого, как узнал о ней от Протагора¹³.

¹² О щедрости Каллиаса относительно софистов см. *Apolog. Socr.*p. 20 A. О дружеских же его связях с софистами, а особенно с Протагором, см. *Protagor.*p. 314 *Csqq.* *Theaet.*p. 165 A. *Xenoph. Symp.*1, 5.

¹³ По-видимому, здесь имеется в виду так называемая *ὀρθοέλεια* Протагора, которая занималась, без сомнения, изъяснением свойственных словам грамматических форм и показанием правильного их употребления. См. *Aristot. Rhetor.*III, 5. *De sophistar. Elenchis* — p. 574, ed. Buhl. et *Sprengel. Artium scriptor.* p. 472 *sqq.* Совсем иное было у Протагора *ῆ τῶν ὀνομάτων ὀρθότης*, рассуждавшая о происхождении и природе слов и бывшая частью книги, под заглавием *Ἀλήθεια*, о чем ясно свидетельствует и настоящее место. (Снес. p. 386 C). Абдеритянин, кажется, вышел из того положения, что человек есть мера всех вещей, и отсюда приходил к заключению, что и самое начало слов должно быть производимо от чувств, чтобы имена вещей были естественны. След этого учения замечен в Протагоре (p. 332 A): *Ἐπειδὴ δὲ ὁ ἄνθρωπος θείας μετέσχε μοίρας, πρῶτον μὲν θεοῦς ἐνόμιζε, — ἔπειτα φωνὴν καὶ ὀνόματα ταχὺ διηρθρώσατο τῇ τέχνῃ, καὶ οἰκῆσεις καὶ ἐσθῆτας — εὔρετο.* И так, Протагор, кажется, полагал, что и имена вещей для каждого таковы,

Ерм. Вот уж странною была бы моя просьба, Сократ, если бы тогда, как истины Протагоровой я вовсе не принимаю, то, что говорится в такой истине, принимал, как нечто стоящее внимания.

Сокр. Когда же не нравится тебе это, так надобно учиться у Омира¹⁴ и у других поэтов.

какими они постигаются и понимаются в зависимости от чувств, и потому они естественны. А отсюда явно, почему Ермоген, утверждавший противное, говорит с таким презрением о Протагоровой Ἀλήθεια.

¹⁴ Показавши на взгляд справедливость Кратилова мнения, Сократ с этого места начинает в духе Кратила рассуждать так, что поставляет пред очами самый верный образ того способа, которым люди подобного рода пользовались при исследовании и обсуждении происхождения слов. Поэтому следующих за сим рассуждений, явно усвояемых тогдашним грамматикам, никак не должно вводить в круг, убеждений Платоновых. Напротив, у Платона здесь все направлено к тонкому и ловкому осмеянию софистической этимологии. Этим только можно объяснить, почему и самые нелепые производства слов с такою отчаянною смелостью выставляются здесь как бы совершенно справедливые. С этою же целью, без сомнения, упоминает теперь Платон и о словах омирических, ибо софисты, чтобы придать более важности своим словотолкованиям, обыкновенно ссылались на авторитет Омира и Исиода. (Сравн. р. 392 А, В, 397 С; 407 А; 408 А, 410 В. Cal). Под Эвтифроном, учение которого Сократ, для изложения Кратилова мнения, притворяется слушающим, разумеется, конечно, тот самый провещатель Эвтифрон, именем которого озаглавлен один из разговоров Платона. Он

Ерм. А что же говорит Омир об именах, Сократ? и где?

Сокр. Во многих местах, особенно же важно и прекрасно там, где он различает, какими именами одни и те же предметы называют люди, и какими боги. Разве ты не думаешь, что в этих случаях слова его важны и удивительны относительно правильности имен? Ведь уж явно, что боги-то употребляют имена точно те, какие свойственны природе. Или не думаешь?

Ерм. Да, я, конечно, хорошо знаю, что если они называют, то называют правильно: но на что именно указываешь ты?

Сокр. Разве тебе не известно, что троянскую реку, которая единоборствовала с Идестом, боги, по словам Омира, называют Ксанфом¹⁵, а люди Скамандром?

Ерм. Известно.

Сокр. Так что же? Не думаешь ли, что

был убежден в себе так, что будто бы не говорил ничего маловажного, ничего низкого, ничего смертного. Поэтому и о производстве слов толковал не иначе, как под наитием какого-то божественного вдохновения и исступления. На такое его состояние указывают между прочим *Εὐθύφρωνος ἴπποι*, р. 409D.

¹⁵ См. *Hiad.*XX, 74.

важное дело знать, почему больше правильно называть ту реку Ксанфом, чем Скамандром? Теперь, если хочешь, и касательно птицы, по его же словам,

В сонме
бессмертных слывущей
Халкидой,
у смертных
Киминдой,

— худое ли дело знать, насколько правильнее той же самой птице придавать название Халкиды, чем Киминды¹⁶? Встречаем мы также Ватиею¹⁷ и Мирину, и многие другиеназвания, как у этого поэта, так и у иных. Но исследования прочих названий может быть выше нас, — меня и тебя: рассмотрение же Скамандрия и Астианакса соразмернее, как мне кажется, с силами человеческими и легче; а эти имена, говорит Омир, принадлежали сыну Гектора, и показывает, какова их правильность. Вероятно, ты знаешь стихи, в которых заключается то, о чем я говорю.

¹⁶ См. Iliad. XIV, 291.

¹⁷ См. Iliad. II, 813.

Ерм. Конечно.

Сокр. Так думаешь ли, что Омир из этих имен почитал более правильным прилагать к сыну имя Астианакса, чем Скамандрия?

Ерм. Не могу сказать.

Сокр. Но рассматривай вот как. Если бы кто спросил тебя: умные ли люди правильнее дают имена, или неразумные?

Ерм. Очевидно, я сказал бы, что умные.

Сокр. Но женщины ли в городах, если говорить о целом роде, кажутся тебе умнее, или мужчины?

Ерм. Мужчины.

Сокр. Не знаешь ли ты, что, по словам Омира, ребенок Гекторов назван Астианаксом от троянцев, Скамандрием же, явно, что от¹⁸ женщин, так как у мужчин-то он был Астианакс?

Ерм. Походит.

Сокр. А троянцев не почитал ли и Омир более мудрыми, чем женщин их?

¹⁸ Между тем Омир (Hiad. VI, 402) ясно говорит, что Скамандрием назвал его сам Гектор: τὸν ῥ' Ἐκτωρ καλέεσκε Σκαμάνδριον, αὐτὰρ οἱ ἄλλοι Ἀστυάνακτ', οἷος γὰρ ἐρύετο Ἴλιον Ἐκτωρ. Поэтому Платон, кажется, с намерением опустил это место, и поставил на вид только Iliad. XXII, 506: ἀστυάναξ, ὃν Τρῶες ἐπὶ κλησὶν καλέουσιν οἷος γὰρ σφῖν ἔρυτο πύλας καὶ τεῖχεα μακρά.

Ерм. Я думаю.

Сокр. Стало быт, он полагал, что к сыну его правильнее прилагать имя Астианакса, чем Скамандрия?

Ерм. Видимо.

Сокр. рассмотрим же, почему это? Или сам он не открывает ли нам прекрасно причину этого, когда говорит: «мог он один защищать их город и длинные стены». Значит, потому, как видно, правильно было сыну этого защитника дать имя Астианакса, что оно выдержано отцом его, как говорит Омир.

Ерм, Мне кажется.

Сокр. Что же это будет? Я и сам тут ничего не понимаю, Ермоген; а ты понимаешь?

Ерм. Клянусь Зевсом, — и я.

Сокр. И Гектору-то, добряк, приложил имя не сам ли Омир?

Ерм. Почему так?

Сокр. Потому, мне кажется, что и оно близко к Астианаксу, и оба эти имени походят на эллинские, — так как ἄναξις и ἄναξ означают почти одно и то же, — оба эти имени царские; ибо чей кто был ἄναξ (царь), в отношении к тому он был бы, вероятно, ἄναξ (владелец), так как, очевидно, господствует над ним, обладает им и имеет его. Или тебе кажется, что я ничего не говорю, что я недоразумеваю и думаю, как бы лишь напасть на

какой-то след Омировой мысли о правильности имен?

Ерм. Нет, клянусь Зевсом, не то, как мне кажется; ты, может быть, попал на что-то.

Сокр. Ведь правильно-таки, как мне представляется, порождение льва называть львом, а порождение коня — конем. Не говорю о том, что рождается как бы уродом, — от коня чем-то не таким, что конь; говорю о родовом порождении, согласном с природою. Если конь, вопреки природе, производит порождение быка по природе, то уже не жеребенком надобно назвать его, а теленком. Равным образом, если бы и от человека, думаю, произошло порождение не человека, этого порождения не следует называть человеком. И дерева, и все таким же образом. Или тебе не кажется?

Ерм. Кажется.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Наблюдай же за мною, чтобы я как-нибудь не обманул тебя. Ведь на этом же основании, если порождение происходит от царя, — оно должно быть называемо царем: теми ли слогами означается оно, или другими, — это все равно; прибавляется какая буква, или отбрасывается, — и это ничего не значит, пока имеет силу проявляющаяся в имени сущность дела.

Ерм. Как это говоришь ты?

Сокр. Не хитро. Ты знаешь, что мы

произносим имена стихий (слова), а не самые стихии, — за исключением четырех: ε, и, о, ω, — и что, обстанавливая их другими гласными и согласными, означаем таким образом прочие буквы и составляем их имена. И пока в имени полагается проявляющаяся сила стихии, правильно будет называть именем то, что она открывает нам. Например, вите присоединение η, тиа, видишь, нисколько не повредило, чтобы целым именем этой стихии, которого хотел законодатель, нельзя было выразить ее природы. Так умел он хорошо давать имена буквам.

Ерм. Мне кажется, ты говоришь правду.

Сокр. Не то же ли самое и о царе? Ведь от царя, вероятно, будет царь, от доброго добрый, от прекрасного прекрасный, и все таким же образом, — из каждого рода другое такое же порождение, если не произойдет урод. Поэтому надобно прилагать к ним те же имена. Можно оразнообразивать их слогами, чтобы показать неразумному, что, при существенном своем тождестве, они отличны друг от друга. Как лекарства врачей, различающиеся цветом и запахом, нам, при их тождественности, кажутся иными, а врачу, рассматривающему силу лекарств, представляются теми же и не изумляют его примесью: так, может быть, и знаток в именах смотрит на силу их и не изумляется, если прибавляется к ним буква, или

переставляется, или отбрасывается, или сила имени заключается и в совершенно иных буквах. Вот и в сказанном сейчас примере, Астианакс и Гектор состоят вовсе не из тех же букв, кроме буквыт,однако ж означают одно и то же. Так-то и Археполис что общего имеет в буквах? а выражает то же самое. Много и других имен, которые не означают ничего, кроме царя; а иные-то опять означают военачальника, каковы: Агис, Полемарх, Эвполем. Бывают также и врачебные, например: Ятрокл, Акесимврот. Может быть, нашли бы мы множество и других, по слогам и буквам различных, а по силе выражающих одно и то же. Кажется так, или нет?

Ерм. Уж конечно, кажется.

Сокр. Так рождающимся по природе надобно давать те же названия.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но что, если против природы, — если рождаются в виде уродов? Например, когда от человека доброго и благочестивого рождается нечестивый: не так же ли надобно поступить, как мы сказали прежде, если бы конь произвел порождение быка, — надлежало бы, то есть, порождению дать имя не родившего, а рода, к которому оно относится?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, и нечестивому,

родившемуся от благочестивого, надобно дать имя его рода.

Ерм. Так.

Сокр. То есть, имя, как видно, не Феофила, не Мнисифеоса и никакое подобное, а такое, которое имеет противное этим значение, если только названия должны быть правильны.

Ерм. По крайней мере, всего более, Сократ.

Сокр. Так-то и Орест, должно быть, правильно назван, Ермоген, искусство ли какое приложило к нему это имя, или какой поэт, указывая именем на зверство его природы, на его дикость и горную(ὄρεινόν)натуру.

Ерм. Видимо, так, Сократ.

Сокр. Пристало ведь это имя и отцу его по природе.

Ерм. Видимо.

Сокр. Должно быть такой какой-то и Агамемнон, когда над тем, что показалось ему, работает и упорствует, положив конец мнениям для добродетели. Доказательством его упорства служит неотступное стояние греческой толпы под Троей. Так что этот человек был по своей стоянке(ἐπιμονή)удивителен(ἀγαστός):это самое выражается именем Агамемнон. Может быть, правильно приложено к нему и имя Атрей¹⁹:ибо

¹⁹ Хризипп был сын Пелопса и Астиопы. Так как отец

убиение Хризиппа и то, что жестокого сделал он по отношению к Фиэсту, — все это вредоносно и губительно (ἀτηρά) для добродетели (ἀρετήν). Так название его этим именем мало отстывает от дела и прячется под покрывалом, чтобы не всем была известна природа этого человека: говорящим об именах довольно видно, что значит Атрей. Возьмешь литὸἀτεῖρες (несокрушимый), или тоἄτρεστον (бестрепетный), или литὸἀτηρόν (губительный), — во всяком случае имя к нему приложено правильно. Мне кажется, что прилично дано имя и Пелопсу; потому что Пелопс означает человека близорукого, и такого названия он заслуживает.

Ерм. Как же это?

Сокр. Об этом человеке говорят, например, что в убийстве Миртила²⁰ он не предугадывал и не

любил его почти исключительно, то мачеха его Ипподамия, негодуя на это, расположила двух своих сыновей, Атрея и Фиэста, убить его (см. Н у г і п. f.85.Pausan.VI, 20). О жестоком поступке Атрея с Фиэстом см. Н у г і п. f.88.Pausan.II, 18.

²⁰ Некогда Пелопс, путешествуя с Ипподамиею, сошел с колесницы, чтобы поискать ключевой воды, и ушел далеко. Ипподамия, оставшись одна с кучером Миртилом, вздумала располагать его к преступной любви. Но Миртил не послушался ее. Тогда она стала обвинять Миртила пред

предвидел ничего, что в будущем произойдет для всего рода, какому от того подвергнется он бедствию, — когда, смотря только на близкое и настоящее, — что и значит πέλᾶς, — старался всеми силами взять сторону жены своей Ипподамии. А что касается до Тантала, то всякий согласится, что к нему имя приложено правильно и по природе, если только справедливо все, о нем рассказываемое.

Ерм. Что же это такое?

Сокр. Он еще при жизни испытал много ужасных несчастий, в заключение которых и отечество его было всецело разрушено, а после смерти, в преисподней, над его головою, в соответствие его имени, удивительно повешен камень. И просто выходило, будто бы кто, желая назвать висящее (ταλάντανον), назвал прикровенно, и, вместо ταλάντανον, сказал Τάνταλον. Такое то, как видно, жребий молвы произвел имя и для него. Явно, что и к отцу его, так называемому Зевсу, прекрасно приложено было имя; только не легко понять его. Ведь имя Зевса есть просто как бы слово: разделив же его на двое, одни из нас

Пелопсом, будто бы он посягал на ее целомудрие. Выслушав эту клевету, Пелопс бросил своего кучера в ближнее море, которое от имени брошенного получило свое название. См. Thzetzes ad Lycophron, v. 156. С того времени дом Пелопса стал подвергаться страшным бедствиям. Sophocl. Electr. 508.

пользуются одною его частью, другие — другою, — одни, то есть, называют его Зином (Ζῆνα), другие Дием(Δία). Сложенные же в одно, эти части выражают природу Бога, — что и свойственно, говорим, делать имени; ибо ни в нас ни во всех других нет ничего, почему бы кто больше был причиною жизни(τοῦζῆν), чем правитель и царь всех. И так, следует, что он правильно называется богом, чрез которого всегда получают жизнь(δὶ ὅν ζῆν)все существа живущие. Но это выражение распалось, как говорю, надвое, на имена Дия и Зина. Слушающему же сразу может показаться, что этот сын Кроноса своеволен; да так и следует, чтобы Зевс был порождением некоего великого разума: потому что Кронос означает не мальчика(κόρον), а чистоту и незапятнанность его ума(νοῦς). Этот же, как говорит предание, есть сын Урана, — и таким именем хорошо выражается смотрение вверх. Урания значит: смотрящая на выпреннее(ὀβώσα τὰ ἄνω). Оттого-то и говорят, Ермоген, что верхоглядья являются чистыми умами, и что небу(οὐβαναῶ)правильно дано имя. И если бы я помнил генеалогию Исиода, о каких еще отдаленнейших предках их говорит он, то не перестал бы доказывать, как правильно приложены к ним имена, пока не испытал бы, что может сделать такая мудрость, замолчит ли она, или нет, — та мудрость, которую теперь вдруг навеяло

на меня, не знаю откуда-то.

Ерм. Ты и в самом деле, Сократ, представляешься мне просто-таки как те восторженники, произносящие сразу свои провещения.

Сокр. И причина-то восторженности, Ермоген, перешла в меня, думаю, особенно от Эвтифрона проспалтийского; потому что я поутру долго беседовал с ним и слушал его. Так вот, в своем восторге, он гениальной мудростью, должно быть, не только наполнил мои уши, но и занял мою душу. Поэтому, мне кажется, надобно нам поступить так: сегодня воспользоваться ею и рассмотреть прочее относительно имен; а завтра, если вам будет угодно, отвратить ее жертвенно и очиститься, нашедши, кто в силах очищать это, — из жрецов ли кого-нибудь, или из софистов.

Ерм. Я-то согласен; потому что с большим удовольствием слушал бы, что еще остается сказать об именах.

Сокр. Сделаем же так. Откуда, хочешь, начнем мы свое исследование, теперь, как уже вошли в пределы какого-то типа ²¹, — чтобы

²¹ Словоτύπος, когда говорится собственно об впечатлении образов, часто употребляется у философа в значении общего описания речи или рассуждения. Отсюдаὲν τύπω λέγεινнередко значит — рассуждать о каком-нибудь

видеть, будут ли нам свидетелями самые имена, что каждое из них полагается не вовсе так, случайно, но имеет некоторую правильность? Упомянутые имена героев и людей могли бы, может быть, обмануть нас: потому что многие из них даются, как мы прежде говорили, по фамилиям предков и к иным вовсе не идут; а многие также прилагаются, как знаки желания, — например, Эвтихид (счастливый), Сосия (сохраненный), Феофил (боголюбезный), и подобные. Так все такие, мне кажется, надобно оставить. Вероятно, найдем мы гораздо правильное приложенными те, которые всегда существенны и согласны с природою; потому что приложение имен с этой стороны, надобно думать, было предметом особенной заботливости. Некоторые же из них, может быть, приложены и божественною — больше нежели человеческою силою.

Ерм. Ты, кажется, хорошо говоришь, Сократ.

Сокр. Так не справедливо ли будет начать нам исследование от богов, — каким образом боги назвали правильным это самое имя?

предмете вообще, не рассматривая с точностью его частей. Platon.De Rep.VI, p. 491 C: ἔχεις γὰρ τὸν τόπον ὃν λέγω, где потом противопоставляется этому слову τοἰκριβέστερον πύθεσθαι. Ibid. III, p. 414 A: ὡς ἐν τόπῳ, μὴ δὲ ἀκριβείας εἰρῆσθαι. Alib.

Ерм. И естественно.

Сокр. Тут я подозреваю следующее. Первые из людей, населявших Элладу, мне кажется, чтити тех только богов, которых чтут теперь многие из варваров, то есть, солнце, луну, землю, звезды и небо. Видя, что все они всегда идут своим путем, бегут, от этой природы²² бежания(θεῖν)те люди наименовали их богами(θεοῦς);а впоследствии, признав и всех других, они уже и этим усвоили то же название. Походит ли несколько на правду, что я говорю, или нет?

Ерм. Конечно, походит.

Сокр. Что же после этого будем исследовать? Или уж явно, что гениев, героев и людей?

Ерм. Гениев.

Сокр. И в самом деле, Ермоген, что означает имя гений? Наблюдай, покажется ли тебе, что я

²² Кто внимательно всмотрится здесь в цель рассуждения, тот легко заметит, что это мнение о производстве имени богов не принадлежит Платону. Такое же производство этого имени мы встречаем и у Г е р о д о т а, II, 52: Θεοῦς προσωνόμασάν σφεας ἀπὸ τοῦ τοιοῦτου, ὅτι κόσμῳ θέντες τὰ πάντα πρήγματα καὶ πάσας νομὰς εἶχον. К этому см. примечание Весселинга, что такая этимология могла нравиться гераклитянам, которые, представляя, что все находится в непрестанном движении, полагали, что и самые боги суть не иное что, как скороходы.

нечто говорю.

Ерм. Говори только.

Сокр. Знаешь ли, кого Исиод называет демонами?

Ерм. Не приведу на мысль.

Сокр. И того не приведешь на мысль, что сперва был золотой род людей?

Ерм. Это-то знаю.

Сокр. Так вот что Исиод говорит о нем:

Потом, когда тот род
судьбы веленьем скрылся,
Земными чистые те
гении зовутся;
Щиты они от зол,
благие стражи смертных.

Ерм. Так что же?

Сокр. Думаю, то говорит он, что золотой род по природе был не золотой, а добрый и прекрасный. Доказательством же служит мне то, что и нас называет он родом железным.

Ерм. Ты говоришь правду.

Сокр. Не думаешь ли, что и из нынешних того, кто добр, относит он к роду золотому?

Сокр. А добрые иное ли что, чем²³ разумные?

²³ Вот это положение чисто сократическое, по которому

Ерм. Разумные.

Сокр. Так вот такими-то более всего, кажется мне, называет он гениев: так как они были разумны и знающие(δαήμονες), то Исиод и наименовал их гениями(δαίμονες). Да на древнем-то нашем языке этому слову соответствует именно такое значение. Хорошо говорит и он, говорят и многие другие поэты, что когда добрый человек умрет, тогда получит важнейший жребий и честь, и, по имени разумности, сделается гением. Поэтому и я полагаю, что человек знающий(δαήμων), который был бы добр, есть существо гениальное(δαμόνιον), жив он или умер, и правильно называется гением.

Ерм. И я, как мне кажется, Сократ, в этом совершенно схожусь с твоим мнением. Что же будет герой-то?

Сокр. Это не очень трудно понять. Имя героев несколько уклонилось; но явно, что оно произошло от Эроса.

Ерм. Как ты говоришь?

Сокр. Разве не знаешь ты, что герои — полубоги?

Ерм. Так что ж?

Сокр. То есть, все они произошли от любви либо бога к смертной, либо смертного к богине.

Если будешь рассматривать так, и притом на основании аттического древнего языка, то узнаешь и больше. Тебе откроется, что от имени Эроса, от которого произошли герои, слово герой немного отступило как название. Герои либо имеют это происхождение, либо они были софисты, сильные риторы и диалектики, способные предлагать вопросы; ибо *εἶρεῖν* значит говорить. Поэтому на аттическом языке, как мы сейчас заметили, так называемые герои, некоторые риторы и эротики сходятся в своем значении, так что род риториков и софистов оказывается племенем героев. Так не это трудно понять, а скорее имя людей, — почему называются они людьми. Ты можешь сказать?

Ерм. Куда мне, добряк? Если бы я и был в состоянии найти это, то не настаивал бы, ибо думаю, что ты скорее найдешь, чем я.

Сокр. Видно же, ты веришь воодушевлению Эвтифрона.

Ерм. Очевидно.

Сокр. Да и правильно веришь. Вот я и теперь уже видимо, настроен к мышлению хитрому и, должно быть, если не поостерегусь, ныне же буду мудрее надлежащего. Наблюдай, что я говорю. Во-первых, относительно имен надобно заметить то, что мы часто одни буквы вносим в них, а другие изгоняем из них, когда хотим от чего-нибудь взять название, да переставляем и ударения.

Например, Διὶ φίλος (Зевсу любезен): чтобы это, вместо выражения, было у нас именем (Δίφιλος), вторую йоту в нем мы уничтожаем и, вместо острого ударения на среднем слоге, произносим тяжелое; в другие же имена, напротив, вносим буквы, и тяжелое ударение произносим как острое.

Ерм. Ты правду говоришь.

Сокр. Так между прочими именами одно, подвергшееся подобной перемене, есть, как, мне кажется, и имя людей; потому что из выражения оно, по отнятии от него одного а и по перенесении на конец тяжелого ударения, сделалось именем.

Ерм. Как ты говоришь?

Сокр. Вот как. Это имя значит ἄνθρωπος (человек) — потому, что прочие животные того, что видят, не рассматривают, не рассчитывают, не соображают; напротив, человек, как только увидел, — а это то же, что ὄψε, — тотчас сообразил (ἀναθρεῖν) и рассчитал, что увидел. Отсюда-то из животных только человек правильно назван ἄνθρωπος, — соображающий, что увидел, — ἄναθρῶν ἢ ὄπλεν.

Ерм. Что же? после этого спросить ли тебя о том, что узнал бы я с удовольствием?

Сокр. Конечно.

Ерм. Это дело, мне кажется, как бы по порядку следует за прежним. Мы называем нечто в человеке душою и телом.

Сокр. Как не называть?

Ерм. Постараемся же и это разобрать, как прежде.

Сокр. Ты говоришь об исследовании души, что она прилично носит это имя, а потом опять об исследовании тела?

Ерм. Да.

Сокр. Чтобы сказать об этом сразу²⁴, — назвавшие душу имели, думаю, в виду ту мысль, что душа(ψοχή), пока присуща она телу, есть причина его жизни, так как дает ему способность дышать и охлаждаться(ἀναφύχειν), и если охлаждения не достает, тело разрушается и кончается. Поэтому-то, кажется мне, назвали ее душою. Но, если хочешь, потерпи; потому что я, следуя Эвтиоронам, кажется, усматриваю нечто

²⁴ Первое производствотη.ψοχῆς, которое одно, без сомнения, справедливо, приводится, говорит, мимоходом, без предварительного обсуждения. Но за ним следует тотчас другое, чрезвычайно нелепое, и полагается уже не мимоходом, а с особенною уверенностью, как производство, достойное Эвтифрона. Какая тонкая и остроумная шутка! Впрочем вот что говоритАристотель(De anim. I, 2, 23):διὸ καὶ τοῖς ὀνόμασιν ἀκολουθοῦσιν,οἱ μὲν τὸ θερμὸν λέγοντες,ὅτι διὰ τοῦτο καὶ τὸ ζῆν ὀνόμασται,οἱ δὲ τὸ ψυχρὸν διὰ τὴν ἀναπνοὴν καὶ τὴν κατάψυξιν καλεῖσθαι ψυχὴν(см. к этому месту Trendelenb. p. 242).

убедительнее этого. Такое мнение, как мне представляется, могут, конечно, презирать и почитать затейливым; однако ж рассматривай, не понравится ли оно и тебе?

Ерм. Только говори.

Сокр. Природу всего тела, чтобы оно и жило и ходило, что иное поддерживает и водит, по твоему мнению, как не душа?

Ерм. Не иное.

Сокр. Что ж? а природу всех прочих вещей, — разве не верить Анаксагору, — устрояет и поддерживает ум²⁵ и душа?

Ерм. Верю.

Сокр. Стало быть, это имя хорошо бы прилагать к той способности, которая водит и держит(ὄχεῖται ἔχει)природу, и изменить его

²⁵ Почему здесь соединяются оба эти имени — νοῦς τε καὶ ψυχῆ, показывает Аристотель (De anim. I, 2, 13): Ἀναξαγόρας δ' ἔοικε μὲν ἕτερον λέγειν ψυχὴν τε καὶ νοῦν, — χρῆται δὲ ἀμφοῖν ὡς μὴ φύσει, πλὴν ἀρχὴν γε τὸν νοῦν τίθεται μάλιστα πάντων. Анаксагор учил, что все вещи и стихии их были некогда смешаны между собою, но потом силою ума разделились и распределились. Для выражения этого, формула его была такова: νοῦς πάντα χρῆματα διῆρε καὶ διεκόσμησε. См. Phaedon, p. 72 С. И так, глагол διακόσμεῖν принадлежит самому Анаксагору, а причастие καὶ ἔχουσαν прибавлено Платоном для этимологии.

вφουδέχην(держашее природу). Впрочем изрядно говорить иψυχῆ.

Ерм. Конечно; мне даже кажется, что это искуснее того.

Сокр. Да так и есть; ведь смешно же, в самом деле, имя употреблять так, как оно положено.

Ерм. Но то, что после сего, — что скажем о нем?

Сокр. Разумеешь тело?

Ерм. Да.

Сокр. Это-то представляется мне различным образом: отступи хоть несколько, — и производств множество. Так, некоторые тело(σῶμα)называют гробом²⁶(σῆμα)души, которая в настоящее время как бы положена в нем. А как телом опять означает то, что означает душа, то тело(σῶμα)правильно поэтому называется и

²⁶ Словоσῶμα, по мнению Сократа, имеет тройкое происхождение: во первых, оно производится отσῆμαιи значит как быгробдуши; потом, во втором значениитоῦ σῆματος, оно естьзнак, которым душа пользуется для показания своих чувствований, и, наконец,σῶμαможет быть понимаемо какσῶμα,темница, в которой душа живет как узница, под наказанием, пока не будет изведена из ней. Первая этимология, вероятно, принадлежала Гераклиту или Филолаю, а последнюю философам относит к орфистам.

знаком(σῆμα). Но это имя особенно установили, мне кажется, орфисты, — полагая, что душа несет здесь наказание за то, за что несет, и что она имеет этот покров, чтобы могла быть соблюдена(σώζεται)будто в темнице. И так, это имяσωμα,как оно произносится, выражает узилище души, пока душа не воздаст должного, и тут не надобно изменять ни одной буквы.

Ерм. Об этом, мне кажется, довольно сказано, Сократ; но нельзя ли бы нам таким же образом сделать исследование об именах богов, подобно тому, как ты говорил сейчас об имени Зевса, — какая правильность заключается в их наименованиях?

Сокр. Да, клянусь Зевсом, Ермоген, мы-то, если только есть в нас ум, могли бы привести одно прекрасное основание, что о богах ничего²⁷ не знаем, — ни о них самих, ни об именах, какими они называют себя; хотя явно, что они-то называют себя справедливо. Другое же опять основание

²⁷ По-видимому, делается намек на известное положение Протагора(Diog.Laert.IX, 51):περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι εἶθ' ὥς εἰσὶν,εἶθ' ὥς οὐκ εἰσὶν; только оно весьма мягко применяется к настоящему предмету. Затрагивается здесь и народный предубеждение, что будто бы богам нравятся именно некоторые прилагательные к ним имена.

правильности в том, как в молитвах²⁸ нам велит закон молиться, (ибо) какими которые боги любят называться именами, так, не зная других наименований, должны называть их и мы; и это, мне кажется, узаконено хорошо. Так, если хочешь, будем рассуждать, как бы предупреждая богов, что относительно их мы не исследуем ничего, ибо не считаем себя способными исследовать, а обратим свои рассуждения к людям, которые, составив себе некогда понятие о них, прилагали к ним имена: это — дело не укоризненное.

Ерм. Ты говоришь, кажется, дельно, Сократ; так и сделаем.

Сокр. Так иначе ли начнем, чем с Весты²⁹, по

²⁸ Известно древнее языческое благочестие в употреблении имен божиих. См. Spanhem. ad Callim. Hymn. in Dian. v. 7. Stanlei. ad Aeschyl. Agam. v. 168. Этообычай молящихся осмеиваетЛукиан(Timon): ὃ Ζεῦ φίλιε, καὶ ξένιε, καὶ ἑταιρεῖε, καὶ ἐφέστιε, καὶ ἄστεροπητά, καὶ ὄρκιε, καὶ νεφεληγερέτα, καὶ ἐρίγδουπε, καὶ εἴ τί σε ἄλλο οἱ ἐμβρόντητοι ποιηταὶ καλοῦσιν, к. т. л. Поэтому Сократ в Филебе говорит (р. 12 С): «всегдашнее мое благоговение пред именами богов не таково, как пред человеческими, но выше величайшего страха. Я и теперь Афродиту называю так, как ей нравится, — Афродитою».

²⁹ Начнем с Весты. Schol. ad Euthyphr. § 2: «ἄφ' Ἐστίας ἄρχεσθαι. — Эта пословица прилагается к тем, которые, будучи облечены силою, начинали делать обиды с

закону?

Ерм. В самом деле справедливо.

Сокр. Какая же, говорят, была мысль назвать Весту Вестою?

Ерм. Клянусь Зевсом, — и это, думаю, не легко.

Сокр. Первые прилагатели имен, добрый Ермоген, должно быть, не худые в самом деле были люди, но какие-то верхоглядь³⁰ и болтуны.

Ерм. Почему же?

Сокр. Приложение имен мне представляется делом каких-то таких людей. И кто стал бы рассматривать даже имена иностранные, все-таки

домашних, — ибо был обычай — из богов приносить первые жертвы Весте. Это перенесено было с лиц, занимающихся религиозными предметами, которые приносили Весте начатки, или первые произведения домашнего очага, произведения из домашества, потому что очаг (ἑστία) есть дом». Слово «Веста» употребляется здесь Сократом двузnamenательно.

³⁰ Разумеются исследователи вещей, вдававшиеся в тонкости, каковы были философы, которых толпа иначе почти и не называла. Посему Сократ употребляет теперь эти названия, говоря языком народа, и таким образом с одной стороны обличает нелепость тех этимологов, а с другой — насмешливо указывает на данные им прозвища. Подобное сему см. Phaedr.p. 269 E; снес. Parm. p. 135D; De Rep.VI,p. 488.

нашел бы, что значит каждое из них. Например, здесь, — что мы называемοὐσία(сущностью), то другие зовутἔσια,а еще другие — ὄσια.И так сперва, применительно к второму из сих имен, было основание сущность вещей назватьἔστια(Вестю). А так как у нас и то опять, что причастно сущности, называется такжеἔστια(Вестю), то вот нашаἔστια(Веста) вышла и правильным именем. В древности, видно, и мыοὐσία(сущность) называлиἔσια.Притом, и судя по жертвам, можно полагать, что прилагатели имен имели такую мысль; потому что те, которые Весту называли сущностью всего, находили приличным приносить жертву первой Весте, прежде чем всем богам. А у кого опять употреблялосьὄσια,те почти усвоили взгляд Гераклита, полагая, что все сущее идет и ничто не стоит. Поэтому причиною и вождем у них был толчок(τὸ ὄθον), и отсюда хорошо было назвать этоὄσια.Так вот как мы, люди, ничего не знающие, рассудили об этом. — После Весты справедливо будет исследовать Рею и Кроноса, хотя имя Кроноса-то мы уже и рассматривали. Впрочем, может быть, это не отговорка.

Ерм. Почему же, Сократ?

Сокр. Ах, добряк! Мне пришел на мысль рой мудрости.

Ерм. Какой же это?

Сокр. Очень смешно сказать; между тем

дело, думаю, правдоподобное.

Ерм. Что это за дело?

Сокр. Я как будто вижу Гераклита, произносящего некоторые древние изречения мудрецов, из времен Кроноса и Реи, приводимые также и Омиром.

Ерм. Как ты это говоришь?

Сокр. Гераклит говорит, что все идет и ничто не стоит, и, уподобляя сущее течению(ῥοῆ)реки, прибавляет, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно.

Ерм. Так.

Сокр. Что же? Кажется ли тебе, что чужда была Гераклита мысль, что прилагательные имен предкам прочих богов дал имена Реи (течения) и Кроноса (времени)? Ужели случайно, думаешь, с обоими богами соединил он наименования текучести? Так-то опять и Омир³¹ отцом богов называет Океан, а материю Тифису. То же, думаю, и Исиод³². Говорит негде и Орфей³³, что

³¹ См. Iliad. 14, 201: εἴμι γὰρ ὀψομένη πολυφόρβου πείρατα γαίης, Ὠκεάνον τε, θεῶν γένεσιν, καὶ μητέρα Τηθύον. Ibid. 302.

³² Theog. 44sq. Здесь родителями всех богов Исиод называет Γαῖανι Οὐρανόν. Ἀὐκεανὸνι Τηθύον (см. 337sq.) почитает родоначальниками только рек и морей. Впрочем Сократ говорит об этом с сомнением.

Первый вступил
тогда в брак Океан
красиво текущий,
Взял за себя сестру
от матери общей —
Тифису.

Так вот на что смотри, как они и между собою согласны, и все направляют к Гераклитову взгляду.

Ерм. Видимо, в твоих словах что-то есть, Сократ; однако ж я не знаю, что значит имя Тифисы.

Сокр. Да почти-то же самое, что называется сокровенным именем ручья; потому что слова *διαττόμενον* (пропускаемое) и *ιηθούμενον* (вливаемое чрез лейку) указывают на ручей. Из этих-то обоих имен и сложилось имя Тифиса.

Ерм. Это изысканно, Сократ.

Сокр. Почему не так? Но что за этим? — О Зевсе мы уже сказали.

33 Подобно этому начало гимна Океану: *ὠκεανόν καλέω, πατέρ' ἄφθιτον αἰὲν ἔόντα ἄθανάτων τε θεῶν γένεσιν θνητῶν τ' ἀνθρώπων*. О приведенных в тексте стихах см. *Orphica*, p. 384, ed. Herm.

Ерм. Да.

Сокр. Так будем говорить о его братьях, Посидоне и Плутоне, и о другом имени, которым называют его.

Ерм. Конечно.

Сокр. Первый, назвавший Посидона Посидоном, назвал его, кажется, потому, что, когда он шел, природа моря удержала его и не позволила ему идти далее, но была для него как бы ножными узами(δεσμὸς τῶν ποδῶν). Так вот начальник этой силы, бог, и назван Посидоном, как быΠοσίδεσμον(скованным по ногам); буква же ε̅внесена сюда, может быть, для благоприличия. Впрочем, пожалуй, и не то здесь говорится, но вместо сигмы сперва стояли в этом слове две ламбды; так что оно было именем многознающего(πολλὰ εἰδότης)бога. А может быть, он назван от глаголаσειεῖν(трясти)σειῶν(потрясающим), и потом к этому слову прибавленыιδ.Что же касается до Плутона, то он получил это имя от даяния богатства(πλοῦτος), так как богатство достается глубоко из земли. А преисподнюю(ᾅδης), кажется, многие понимают как невидимое(ἀείδες), прилагают к ней это имя и, боясь такого имени, называют ее Плутоном.

Ерм. А тебе как представляется, Сократ?

Сокр. Мне кажется, люди, относительно

этого бога силы многообразным образом ошибались и недостойно боялись его. Ведь бояться того, что, когда кто из нас умрет, навсегда там останется; испугались и того, что душа отходит к нему обнаженной от тела: а мне кажется, что все стремится к чему-то тому же, — и власть этого бога, и его имя.

Ерм. Каким же образом?

Сокр. Я скажу тебе, что именно представляется мне. Скажи, какое бы то ни было животное которыми узами сильнее понуждается оставаться где-нибудь, — необходимостью, или пожеланием?

Ерм. Пожелание гораздо выше, Сократ.

Сокр. Так думаешь ли, что многие не избавились бы от преисподней, если бы преисподняя не связывала их сильнейшими тамошними узами?

Ерм. Явно.

Сокр. Стало быть, преисподняя связывает их, как видно, каким-то пожеланием, если связывает узами крепчайшими, — а не необходимостью.

Ерм. Видимо.

Сокр. А пожеланий опять, не правда ли, много?

Ерм. Да.

Сокр. Стало быть, преисподняя связывает их

пожеланием, величайшим из пожеланий, если хочет удержать их узами сильнейшими.

Ерм. Да.

Сокр. А есть ли какое пожелание больше, как, обращаясь с кем-нибудь, думать, что чрез него сделаешься лучшим человеком?

Ерм. Клянусь Зевсом, никакого, Сократ.

Сокр. Поэтому скажем, стало быть, Ермоген, что из тамошних никто не захочет удалиться сюда, даже самые Сирены³⁴ но и эти, и все другие там очарованы: так хороши, как видно, речи, которые умеет говорить им преисподняя. И надобно думать

³⁴ П р о к л, объясняя это место, говорит о Сиренах следующее: τρία γένη Σειρήνων οἶδεν ὁ μέγας Πλάτων: οὐράνιον, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὴν τοῦ Διὸς βασιλείαν γενεσιουργόν, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὸν Ποσειδῶνα καθαδικόν, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὸν Ἄϊδην. Καὶ ἔστι κοινὸν αὐτῶν πασῶν τὸ διὰ τῆς ἑναρμονίου κινήσεως ὑποκατακλίνειν πάντα τοῖς ἑαυτῶν ἡγεμόσι θεοῖς* διόπερ ἐν οὐρανῷ μὲν τὴν ψυχὴν οὖσαν ἐνίξειν θέλει ταῖς ἐκεῖ διαγωγαῖς* ἐν δὲ τῇ γενέσει ζώσας παραπλέειν αὐτὰς προσήκει κατὰ τὸν ὀμηρικὸν Ὀδυσσεῆα (Od. XII, 165 sqq. Coll. 40 sqq.), εἴπερ καὶ ἡ θάλασσα γενέσεως εἰκῶν, ἵνα μὴ θέλωνται ὑπὸ τῆς γενέσεως. ἐν δὲ τῷ ἄδη γενομένας συνάπτεσθαι διὰ τῶν νοήσεων πρὸς τὸν θεὸν τοῦτον* ὥστε οἶδεν ὁ Πλάτων ἐν τῇ τοῦ Ἄϊδου βασιλείᾳ, γένη θεῶν καὶ δαιμόνων καὶ ψυχῶν, αἱ περιχορεύουσι τὸν θεόν, ὑπὸ τῶν ἐκεῖ Σειρήνων θελγόμεναι. С последними словами Прокла сравн. место De Rep. X, p. 617.

посему, что этот бог — совершенный софисти великий благодетель находящихся у него душ, если в самом деле подает тамошним столь великие блага; и так много у него там избытков, что от этого получил он и имя Плутона. Да и то опять, — не хочет он обращаться с людьми, имеющими тела, но тогда только вступает с ними в связь, когда душа бывает чиста от всех, относящихся к телу, зол и желаний. Не дело ли философа, мужа благонастроенного, и то, что он таким образом связал и держит их в узах добродетели, тогда как, при порывах и неистовстве тела, не мог бы и Кронос — отец — удержать их, связав так называемыми своими узами³⁵?

Ерм. Ты, должно быть, дело говорить, Сократ.

Сокр. Да и имя-то преисподней(Αἰδης),

³⁵ Об узах Сатурна говорит Макробий(Saturnal.1, 8): «Почему сам Сатурн содержится в оковах, причины этого, сознается Vergilius Flaccus, я не знаю. Но мне помогает чтение Аполлодора. Сатурн, по словам Аполлодора, весь год связан шерстяными узами, и разрешается только в день своего праздника, то есть в месяце декабре. И отсюда-то произошла пословица: «боги имеют шерстяные ноги», означающая то, что в десятый месяц семя, одушевленное в утробе, возрастает в жизнь и, пока не выйдет на свет, удерживается мягкими связями природы».

Ермоген, произошло далеко не от невидимого (ἀειδούς), а гораздо скорее от того, что она знает(εἰδέναι)все прекрасное. Применительно к этому-то слову законодатель назвал преисподнюю(Ἄιδης).

Ерм. Пускай. Но от чего Димитру, Иру, Аполлона, Афины, Ифеста, Арея и прочих богов? Как скажем?

Сокр. Димитра(Δημήτηρ)названа, по-видимому, от пищи, которую раздает, как мать(μήτηρ);а Ира — как некая любимица(ἑρατή), отчего и говорится, что Зевс был ее любовником(ἑρασθεὶς). А может быть, законодатель, смотря на явления небесные, Ирою прикровенно наименовал воздух (ἄερα), то есть, положил начало в конце: ты можешь это узнать, если будешь чаще произносить имя Иры. Что же касается до Ферефатты, то многие, как видно, по неопытности относительно правильности имен, боятся и этого имени, и Аполлона. Изменивши название, они представляют Ферсефону, и страшным кажется им это имя; а между тем оно дает знать, что богиня мудра; ибо, когда производятся дела, прикасаться к ним, братья за них и мочь преследовать их было бы мудростью. И так, эта богиня, за мудрость и ухватливость в производящихся делах(τὴν ἐλαφὴν τοῦ φερομένου), могла бы быть правильно названа Ферепафою, или

чем-то таким. Потому-то с нею сопоставляется преисподняя, как мудрая, какова она и есть. А теперь, предпочитая благозвучие истине, уклоняют это имя от его значения и богиню называют Ферефаттою. То же, как говорю, и об Аполлоне: многие боятся имени этого бога, как будто оно выражает что страшное. Или ты не замечал?

Ерм. Конечно замечал, и ты правду говоришь.

Сокр. А между тем оно-то, как мне кажется, для показания силы этого бога, приложено к нему прекрасно.

Ерм. Как же?

Сокр. Я постараюсь сказать, что именно мне представляется. Ведь нет имени, которое бы, при своем единстве, более приноровлено было к выражению четырех сил этого бога; так что оно касается всех их и некоторым образом указывает на искусства — и музыкальное, и провещательное, и врачевательное, и стрелковое.

Ерм. Так говори; ведь, по твоим словам, это имя есть что-то странное.

Сокр. А между тем оно самое гармоничное, так как этот бог — музыкант. Во-первых, умиловивление и очищения; предписываемые как врачами, так и провещателями, священные обходы то с лечебными, то с провещательскими

средствами, омывания³⁶ при этом и опрыскивания, все это в состоянии сделать одно: представить человека чистым и по телу и по душе. Или нет?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но этот бог не есть ли очиститель, омыватель и освобождатель от таких зол?

Ерм. Конечно.

Сокр. Так по своим освобождениям (ἀπολύσεις) и омываниям (ἀπολούσεις), как врач в таких делах, он правильно может быть назван Омывателем (Απολούων). Потом, по

³⁶ Proclus, p. 106: ὅτι τὴν κάθαρσιν μὴ μόνον ἐπὶ τῆς ἰατρικῆς ὄραν, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς μαντικῆς δείκνυσιν, ὅτι γενικῶς ἡ καθαρτικὴ τοῦ ἀπόλλωνος δύναμις περιέχει τὰς δύο* καὶ γὰρ ταῖς τοῦ φωτὸς μαρμαρυγαῖς λαμπρύνει τὸν κόσμον, καὶ ταῖς παιωνικαῖς ἐνεργείαις πᾶσαν τὴν ὑλικὴν ἀμετρίαν ἐκκαθαίρει, ἃ δὴ καὶ οἱ ἐν ταῦτα μιμούμενοι ἰατροὶ τε καὶ μάντιες οἱ μὲν τὰ σώματα καθαίρουσιν, οἱ δὲ διὰ τῶν περιρράνσεων καὶ τῶν περιθεισεων ἄγνοῦς ἑαυτοῦς καὶ τοὺς συνόντας ἀποτελοῦσι. Под словом περιθειώσεις понимаются обливание себя водою, осыпание серою и другими очистительными веществами: эти торжественные обряды древних люстраций всякому известны. Tibull. I, 5, 8: illi ego, quum tristi morbo defessa iaceres, te dicor votis eripuisse meis, ipseque ter centum lustravi sulfure puro, carmine quum magico praecinuisset anus. Virg. Aen. VI, 226: Idem ter socios pura circumtulit unda. Περιρράνσις означало окачивание водою всего тела. Из Плутарха (Vit. Sull. с. 32, Т. 1, р. 472) видно, что περιρράντήριον Аполлона было и в Риме.

провещательности, весьма правильно было бы называть его, как называют фессалийцы, истинным и простым(ἀπλοῦν), что — одно и то же; а все фессалийцы произносят его имя «Аплон». Далее, по всегдашнему метанию, как сильный в стрельбе, он может быть назван всегда метаемым(ἀεὶ βάλλον). Наконец, что касается до музыки, — должно заметить, что а, как в словах ἄκολουθος ἰᾶκοιτις, часто значит вместе; так и здесь означает совместную полюсность(πόλησιν), — и на небе, которого крайние точки называются полюсами, и в гармонии пения, где полюсы получают имя симфонии. И вот это, как говорят знатоки в музыке и астрономии, связывает все вместе(ἅμα πολεῖ)некоторою гармонией. И так, этот бог владычествует своею гармонией, выражая ее в совместном вращении(ὁμοπολῶν)всего и у богов и у людей. Поэтому, как ὁμοκέλεθον(сопутника жизни) и ὁμοκοιτιν(разделительницу ложа) мы, переменив она, назвали ἄκولوθους ἰᾶκοιτιν; так назвали и Аполлона, который прежде был ὁμοπολῶν(вместе вращающий), прибавили, то есть, другую λ, так как без этого ὁμοπολῶν соименно было с страшным словом ἀπολῶν(имеющий погубить). Неправильно рассматривая это имя, некоторые и теперь подозревают в нем такую силу и боятся его, как означающего какую-нибудь гибель. Между тем оно, как сейчас говорено,

приложено к богу так, что касается всех его свойств, — простоты, всегдашнего стреляния, омывания, совместного вращения. А Муз и вообще искусство музыкальное законодатель наименовал этим именем, как видно, от ощупывания(μῶσθαί), или от исследования и философии; Литу же — от кротости этой богини, так как она выражает свое благожелание всякому, о чем кто просит ее. Может быть, впрочем, верно и то, как называют ее иностранцы; а из иностранцев многие называют ее Лифо. Видно, они не за суровость нрава, а за кротость и мягкость(λεῖον)нашли приличным назвать ее Лифо, когда так называют. Артемида же получила имя, по-видимому, от непорочности (ἀρτεμής)и скромности, за ее любовь к девственности. Впрочем, назвавший эту богиню, может быть, назвал ее за знание добродетели³⁷ (ἀρετῆς), или за то, что она ненавидела женскую ниву(ἄροτον), осеменяемую мужчиною. И так, прилагавший имена дал такое имя богине или за что-нибудь в этом роде, или за все сказанное.

³⁷ Зазнание добродетели,ἀρετῆς ἵστορα. Шутка этой этимологии так осязательна, что надобно быть слишком тупоумным, чтобы не заметить ее здесь, равно как и в других словопроизводствах. И однако ж добрые грамматики всем этим этимологиям дают значение чистой правды, и, не задумываясь, вносят их в ряд Платоновых положений.

Ерм. Что же Дионис и Афродита?

Сокр. О великом деле спрашиваешь ты, сын Иппоника. Но способ исследования имен, принадлежащих этим богам, есть и серьезный и шуточный: о серьезном спроси кого-нибудь другого; а шуточный ничто не мешает рассмотреть и нам, потому что шутку любят и боги. Если Дионис означает дающего вино(δίδους οἶνον), то Дионисом в этом случае он назван был бы шуточно; а вино(οἶνος), располагающее многих пьяниц, не имеющих ума, думать(οἴεσθαι), будто у них есть ум(νοῦν᾽ἔχειν), по всей справедливости, также в шутку, могло бы быть названо винным, умом(οἰόνους). Что же касается до Афродиты, то не следует противоречить Исиоду, но согласиться, что Афродита названа по ее рождению из морской пены(ἀφρός).

Ерм. Но ты, как афинянин, Сократ, конечно не забудешь ни об Афине, ни об Ифесте и Арее.

Сокр. Да и не естественно.

Ерм. Конечно нет.

Сокр. О другом-то ее имени не трудно сказать, почему оно приложено.

Ерм. О каком?

Сокр. Мы называем же ее Палладою.

Ерм. Как не называть.

Сокр. Но полагая, что это имя взято от пляски в вооружении, мы правильно, думаю,

положили бы, потому что потрясать(πάλλειν)и потрясаться(πάλλεσθαι), прыгать (ὀρχεῖν)и кружиться(ορχεῖσθαι) — значит у нас поднимать себя, или что другое вверх, взять что с земли, или держать в руках.

Ерм. Конечно.

Сокр. Так Паллада поэтому.

Ерм. Да и правильно. Но как скажешь о другом?

Сокр. Об имени Афины?

Ерм. Да.

Сокр. Это тяжелее, друг мой. Об Афине и древние думали, по-видимому, так, как думают нынешние знатоки Омира. Ведь многие из этих, истолковывая поэта, говорят, что Афина сотворила самый ум и мысль, и составитель имен такое что-то представлял относительно ее; еще же величественнее говорит он, называя Афину как бы умом Бога(θεοῦ νόησιν), как бы она есть Феоноя(θεονόα), и в этом слове, по произношению иностранному, употребив, вместоη,а, и отняв буквыιισ.А может быть, и не так; но составитель имен, предпочтительно пред прочими, назвал ее Феоноєю, поколику она мыслит божественное. Ничто не мешает полагать и то, что он разумел помышление сердца(τὴν ἐν τῷ ἤθει νόησιν)и, олицетворяя его в этой богине, хотел назвать ее Ифоноєю. Впоследствии же либо сам он, либо

другие, направляя это имя, как думали, к лучшему, назвали ее Афиною.

Ерм. Но что об Ифесте? Как скажешь?

Сокр. Ты спрашиваешь о благородном знатоке света(φάεος ἵστορα)?

Ерм. Выходит.

Сокр. Да не он ли это всем известный Фест, притянувший к себе?

Ерм. Должно быть, если только тебе, сколько видно, не кажется как-нибудь иначе.

Сокр. Но что бы ни казалось, спрашивай об Арее.

Ерм. Спрашиваю.

Сокр. Арей, если угодно, мог быть назван по мужескому полу(ἄρρεν)и по мужеству(ἀνδρεῖον);да хотя бы опять назывался он по жесткости и неуступчивости, что выражается словомἄρρατον(несокрушимое), — воинственному богу и в этом и во всяком смысле прилично называться Ареем.

Ерм. Конечно.

Сокр. Теперь от богов отстанем, ради богов; потому что я боюсь рассуждать о них. Предлагай мне вопросы о чем хочешь другом, чтобы тебе видеть, каковы кони Эвтифроновы³⁸.

³⁸ Каковы кони Эвтифроновы. Принаровление к стиху Омира, Iliad. У, 221: ἀλλ' ἄγ' ἐμῶν ὀχέων ἐπιβήσεο, ὄφρα ἴδῃαι, οἴοι

Ерм. Конечно, сделаю так; но по крайней мере об одном еще спрошу тебя, об Эрмии; ибо Кратил не соглашается, что я «Ермоген»³⁹. Постараемся же рассмотреть Эрмия, что значит это имя, чтобы видеть, говорит ли этот что-нибудь.

Сокр. Да это-то имя, «Эрмий», по-видимому, относится несколько и к предмету, потому что означает истолкователя, вестника, хищника и обманщика на словах и деятеля на торговой площади: все эти занятия касаются содержания нашей речи. И так, что говорили мы и прежде, глагоλεῖρεiv⁴⁰ означает употребление слова, а другой, часто встречающийся у Омира⁴¹ в форме ἐμήσατο, значит измышлять. Из обоих этих глаголов как бы повелевает нам законодатель составлять имя бога, введшего в употребление речь и выдумавшего слово. Люди! кто выдумал употреблять речь (τὸ εἶρεiv), тот может справедливо

Τρῶϊοι ἴπποισι.

³⁹ См.р.383В; 384 С.

⁴⁰ См.р.398 D.

⁴¹ Об омирическом слове ἐμήσατο смес. Πιαδ.ζ' 157; Odyss.γ'119, 303,κ' 115,λ' 428,χ' 194.

называться у васεἰρέμης. А мы теперь, заботясь, думаю, о прикрасах, изменили это имя в Эрмия. Да и Ирида названа, видно, οτεῖρεῖν, потому что она была вестницею.

Ерм. Клянусь Зевсом, — Кратил, стало быть, как мне кажется, хорошо говорит, что я не Ермоген; потому что вовсе не легко измышляю слово.

Сокр. Но ведь и Пан-то, сын Эрмия, вероятно, имеет две природы⁴², друг мой.

Ерм. Как же так?

Сокр. Ты знаешь, что это слово означает все(τὸ πᾶν); оно всегда круговращает и перевертывает; оно — двойное: истинное и ложное.

Ерм. Конечно.

Сокр. Истинная сторона его легка и божественна, она живет вверху между богами; а ложная — внизу, среди народной черни, — она жестка и трагична⁴³ (козлиста). Отсюда то в

⁴² О Пане, сыне Эрмия, см. Lucian. Dialogg. deor. XXII. Этим производством имени Сократ остроумно и шутливо указывает на способ рассуждений эристиков, которые, не заботясь об истине, все колебали и расшатывали своими хитросплетениями. Сюда относится διπλοῦς λόγος, ἀληθῆς τε καὶ ψευδῆς, которое философ шутливо сравнивает с верхними и нижними частями Пана.

⁴³ Трагична или козлиста, τραγικόν. Это — прекрасная амфиболия, которою ловко затрагиваются трагические басни

трагичной (козливой) жизни множество басен и лжи.

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, все(τὸ πᾶν), показывающее и всегда вращающее(ἀεὶ πᾶν), правильно называется Паном, пастухом коз(αἰπόλος), двухприродным сыном Эрмия, который вверху легок, а внизу жесток и козловиден. Притом Пан есть или слово, или брат слова, если только он — сын Эрмия; брат же если походит на брата, — нет ничего удивительного. Но, как я уже говорил, отстанем от богов, почтеннейший.

Ерм. От таких-то, Сократ, пожалуй, если хочешь; но о других что мешает тебе рассуждать, — например, о солнце, о луне, о звездах, о земле, об эфире, о воздухе, об огне, о воде, о годовых временах, о годе?

Сокр. Ты слишком многое приказываешь мне. Впрочем, если это будет тебе приятно, я готов.

Ерм. Сделай одолжение.

Сокр. О чем же сперва хочешь слышать? Или, как сказал, будем рассуждать о солнце?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но речь о солнце, по-видимому,

поэтов. Мысли Платона о народной эллинской трагедии ясно и определенно высказаны в его книгах о Государстве.

сделалась бы более наглядною, если бы говорящий воспользовался дорийским его именем; у Дорян же оно называются ἄλλος. Дорийское ἄλλος, применительно к глаголу ἀλίζειν, значит — собираться людям в одно место, когда солнце восходит; могло быть оно названо и потому, что всегда (ἀεὶ) в своем ходе вращается (εἰλεῖ) около земли, или и потому, что своим движением разнообразит (ποικίλλει) произведения земли; а разнообразить и испещрять цветами (αἰολεῖν) — одно и то же.

Ерм. что же будет луна?

Сокр. Это имя — σελήνη, — видимо, дразнит Анаксагора.

Ерм. Отчего так?

Сокр. Выходит, что он открыл только старое, сказав недавно, что луна заимствует свой свет от солнца.

Ерм. Как это?

Сокр. Так, что τὸ σέλας (блеск) и τὸ φῶς (свет) — то же самое.

Ерм. Да.

Сокр. Но этот свет вокруг луны всегда нов и древен, если только анаксагорейцы ⁴⁴ говорят

⁴⁴ Анаксагор, говорят, первый начал определеннее учить, как это бывает, что свет луны то получает приращение, то

правду. Всегда ходя около нее, солнце постоянно обливает ее новым светом, старый же остается от прежнего месяца.

Ерм. Конечно.

Сокр. А Селанею-то(Σελαναία)называют ее многие.

Ерм. Конечно.

Сокр. Поколикую же она всегда имеет блеск(σέλας)новый(νέον)и старый(ἔνον), то по всей справедливости могла бы быть названа составным именемσελαενονεοάεια,которое в слитном виде произноситсяσελαναία.

Ерм. Это имя по крайней мере дифирамвическое, Сократ. Но как ты говоришь о месяце и звездах?

Сокр. Месяц(μείς)мог бы, от уменьшаемости(μειοῦσθαι), правильно быть названμείης;a звезды(ἄστρα)получили имя, по-видимому, от молнии(ἄστραπή);молния же(ἄστραπή), — так как она заставляет отвращать глаза(ᾠπα), — могла бы быть названаἀναστροπή;между тем как теперь, для красоты, она называетсяἀστροπή.

ущербляется. Plutarch.Vit. Nic. 23:ὁ γὰρ πρῶτος σαφέστατόν τε πάντων καὶ θαρράλεωτατον περὶ σελήνης καταυγασμῶν καὶ σκιᾶς λόγον εἰς γραφὴν καταθέμενος ἀναξαγόρας.Origen.Philosoph. 8:οὗτος ἀφώρισε πρῶτος τὰ περὶ τὰς ἐκλείψεις καὶ φωτισμούς.

Ерм. Что же огонь и вода?

Сокр. Касательно огня я недоумеваю: должно быть, либо муза Эвтифронова оставила меня, либо это очень трудно. Смотри же, каким пользуюсь я средством в отношении ко всему тому, в чем недоумеваю.

Ерм. Каким же?

Сокр. Я открою тебе. Отвечай-ка мне: можешь ли сказать, каким образом получил имя огонь?

Ерм. Клянусь Зевсом, не могу.

Сокр. Наблюдай же, что я подозреваю в отношении к нему. Я замечаю, что эллины, и особенно те из них, которые живут под властью варваров, многими именами обязаны варварам.

Ерм. Так что же?

Сокр. Кто исследует это имя по законам эллинского языка, естественно ли оно придано, а не по законам того, от которого оно произошло, тот, знай, будет недоумевать.

Ерм. Естественно.

Сокр. Смотри же, и это имя, — огонь, — не есть ли что-то варварское; потому что нелегко привить его к языку эллинскому; и вот фригийцы, произнося это слово, очевидно уклоняются несколько от эллинского его произношения. Таковы же слова: вода, собака и многие другие.

Ерм. Так.

Сокр. Стало быть, тут не должно быть насилия; потому что могут ведь и вспомнить их. Поэтому огонь и воду я устранию. Но воздух, Ермоген, не потому ли назван воздухом (ἀήρ), что поднимает(αἴρει)наземное; или — что он всегда течет(ρέει), или — что от его течения происходит ветер? Потому что ветры у поэтов называются дуновениями (ἀήται). Может быть, смысл его такой, как бы кто говорил πνεοματόρροον(поток ветра), ἀητόρροον(поток дуновений). А эфир я понимаю как-то так, что он всегда бежит (ἀεὶ θεῖ), обтекая воздух (ἀέρα), и потому справедливо мог бы быть назван ἀειθεῖρ(непрестанным обтекателем воздуха). Земля же(γῆ)скорее имеет то значение, какое соединяют с нею, называя ее Геею(Γαῖα);потому что Гея правильно называется родительницею, как говорит Омир, у которого γεῦαασизначитпорождены.

Ерм. Пускай.

Сокр. Что же было у нас предположено после этого?

Ерм. Годовые времена, Сократ, и самый год.

Сокр. Годовые времен⁴⁵(ῥοαί), если хочешь

⁴⁵ Годовые времена, ῥοαί. Ῥαи должно произносить на древнем аттическом наречии; стало быть, надобно говорить ῥοαί, потому что οἰητῶв Афинах в древности не употреблялись. Но ῥοαίсуть пределы зимы, лета и проч.

знать это имя по надлежащему, надобно произносить аттически, как произносили его в древности; ибо годовые времена(ἔρα)названы так потому, что ими определяются(ὀρίζονται)зимы, лета, ветры и произрастающие из земли плоды. А как определяющие, они справедливо называютсяἔρα.Слова жеἐνιαυτόςиἔτος(год) должны составлять нечто одно. Ведь это — всякая вещь, преемственно выводящая на свет то, что рождается и бывает, и выводимое испытывающая(ἐξετάζον)в себе(ἐν ἑαυτῷ):как прежде видели мы, что Зевса, разделив имя его надвое, люди стали называть то Зином(Zῆνα), то Диём(Δία);так и теперь — год одни называютἐνιαυτόν,потому что он в себе(ἐν ἑαυτῷ), а другие — ἔτος,потому что он испытывает. Целое же выражение, которым означаетсся испытующее в себе, показывает одно, разделенное надвое; так что в одном слове вышли два имени — ἐνιαυτόςиἔτος.

Ерм. В самом деле, Сократ, ты оказал большие успехи.

Сокр. Да, в мудрости, думаю, я далеко ушел.

Ерм. Конечно.

Сокр. Вероятно, еще будешь говорить.

Ерм. Да, после этого вида я охотно рассмотрел

бы те прекрасные⁴⁶ имена, — в какой степени справедливо они приложены, — имена, относящиеся к добродетели, как-то: разумность, смышленность, справедливость и все подобные этим.

Сокр. Ты поднимаешь, друг, немаловажный род имен: но так как теперь я одет в кожу льва⁴⁷, то не надобно робеть; надобно, как видно, рассматривать и разумность, и смышленность, и думу, и знание, и прочие, все те, о которых говоришь, прекрасные имена.

Ерм. Конечно, не следует нам отказываться.

Сокр. Однако ж, клянусь собакою, мне кажется, я не худо догадываюсь-то, как и сейчас думал, что самые древние люди, занимавшиеся приложением имен, как и теперь многие из софистов, отчастого верченья, при поисках того, в чем состоит существо дела, страдают кружением головы, и оттого им представляется, будто

⁴⁶ Прекрасные имена, τὰ καλὰ ὀνόματα, то есть слова, которыми означаются прекрасные вещи (De Rep.1, p. 344 B.Nipp. т. p. 288D).

⁴⁷ Здесь указывается на басню Езопа, в которой рассказывается, что осел, одевшись в кожу льва, хотел, чтоб его почитали львом, и потому издавал дикие и страшные рычания. Но наконец кто-то, видевший и осла и льва, открыл обман и глупое животное прогнал палкой (Aesopi Fabul.113).

кружатся и всячески вращаются самые вещи; причину, то есть, этого своего мнения видят они не в себе, не в собственном своем состоянии, но таковы, говорят, самые вещи, что ничто между нами не стоит, не бывает твердо, а все течет, несется и всегда бременеет всяким движением и рождением. Так я говорю, имея в виду все упомянутые теперь имена.

Ерм. Как же это, Сократ?

Сокр. Может быть, ты не понял сейчас сказанного, что имена прилагаются все как будто к вещам несущимся, текущим и происходящим.

Ерм. Не очень вдумался.

Сокр. Однако ж, первое это, что как первое высказано нами, непременно таково?

Ерм. Что такое?

Сокр. Разумность(φρόνησις):ведь это есть мысль(νόησις)о движении(φορᾶς)и течении (ροῦ); а можно понимать и выгоду движения(φορᾶς ὄνησιν);по крайней мере здесь говорится о движении. Потом, дума(γνώμη), если угодно, всячески указывает на рассматривание и колебание(νόμησιν)порождения(γονῆς);ибо колебать(νομαῖν)и рассматривать — одно и то же. Далее, если хочешь, самая мысль(νόησις)есть желание нового(νέου ἔσις), а новым означает то, что всегда происходит. Это-то расположение души хотел выразить положивший имяνεόεσις;потому что

В древности говорили *νευόησις*, но вместо *η* надлежало читать двойное *ε*, — *νεόεσιν*. А рассудительность ⁴⁸ (*σωφροσύνη*), которую мы сейчас только рассматривали, есть сохранение разумности (*σωτηρία φρονήσεως*). Даже и знание-то ⁴⁹ (*ἐπιστήμη*) показывает как бы последование (*ἐπομένης*) замечательной души за ходом дел, причем она и не отстаёт, и не забегает

⁴⁸ Штальбом удивляется, что Аристотель (*Ethic. VI, 5*) подтверждает изложенную Сократом этимологию слова *σωφροσύνη*, ибо стагирский философ говорит так: *ἔνθεν καὶ τὴν σωφροσύνην τοῦτῳ προσαγορεύομεν τῷ ὀνόματι, ὡς σώζουσιν τὴν φρόνησιν*. То же высказывает и *Etymologia Magna* (p. 744, 33): *σωφροσύνη παρὰ τὸ σώζειν τὸ φρονεῖν, ἢ παρὰ τὸ σῶμα φρουρεῖν ἀπὸ ρύλου, ἢ διὰ τὰ σῶα φρονεῖν*. По нашему мнению, это не только не удивительно, а напротив, весьма справедливо; потому что *σωφροσύνη*, по самой точной этимологии, значит — здравомыслие. Вот почему, желая взять несколько шире это слово, мы, вместе с Шлейермахером, постоянно переводили *σωφροσύνη* словом рассудительность, соответствующим немецкому *Besonnenheit*.

⁴⁹ Эта этимология явно направлена к опровержению понятий гераклитовских и протагоровских. Так как философы сих школ полагали, что все непрестанно движется, то необходимо должны были согласиться, что и ум, если надобно ему что-нибудь познать, принужден следовать своим движением за идущою вперед природою вещей.

вперед. Поэтому в словоἐπίστημῆν надобно внести и читать ἐπίστημη. И смысленность (σύνεσις) опять может казаться чем-то таким, как соображение; когда говорят: ξυνιέναι (ξὺν ιέναι), тогда это говоримое совершенно соответствует τῷ ἐπίστασθαι (знанию), ибо шествие вместе означает душу, идущую рядом с вещами. Так и мудрость (σοφία) значит — касаться движения. Это, конечно, довольно темно и странно: но мы должны припомнить по местам слова поэтов, которые, когда говорят о чем-нибудь таком, что начинает идти быстро, употребляют слово ἐσύθη (шел торопливо). А у одного из благородных лаконцев было и имя Σοῦς, которым лакедемоняне называют быстрое стремление. Осязанием (ἐλαφή) этого-то движения, когда движутся вещи, означает сяή σοφία. Что же касается слова τὸ ἀγαθόν (добро), то это имя естественно прилагается к тому, что по всей своей природе ἀγαστὸν (достойно удивления); ибо так как вещи идут, то есть в них скорость, есть и медленность. Но таково не все, а нечто, достойное удивления (ἀγαστὸν), быстрое (θέον). Этому-то достойному удивления (ἀγαστῶ) дано название — добро (ἀγαθόν). Справедливость, так как это имя прилагается к разумению правого, легко понять, а самое правое — трудно: да и видно, что до некоторой степени большинство соглашается в этом, а потом начинает разногласить. Ведь

держась той мысли, что все — в ходу, представляют в мире, конечно, много такого, что есть не более, как преходящее; однако ж во всем этом допускают и нечто, чем проникается целое, и что производит все бывающее. Это нечто есть быстрее и тончайшее, потому что не иначе можно проникать все преходящее, как будучи самым тонким, чтобы ничем не задерживаться, и самым быстрым, чтобы пользоваться всем другим, как бы оно стояло. Но так как проникающее(διαῖόν)управляет всем прочим, то это имя правильно дано справедливому(δίκαιόν), приняв для благозвучия звукк. — И вот доселе, как мы теперь говорили, большинство соглашается, что это есть справедливое. Но я, Ермоген, человек в этом отношении докучливый, разузнал все здесь тайно, будто справедливое(δίκαιόν)тождественно с причиною(αἴτιον), — ибо то, чрез что(δι' ὅ) нечто бывает, есть причина, — и иные собственно ради причины почитали это название правильным. А когда, выслушав такое мнение, я тем не менее снова потихоньку спрашиваю: что же такое будет справедливое, почтеннейший, если это так? — тогда мой вопрос, кажется, заходит уже далее надлежащего, перескакивает 50 чрез предмет

50 О пословице: ὑπὲρ τὰ σκάμματα, или τὰ ἑσκαμμένα ἄλλευσθαι, перескакивать чрез предмет исследуемый, говорят:

исследуемый. Довольно, Говорят, знать мне и слышать; думая же удовлетворить меня, начинают утверждать — один то, другой — другое, и тут более не сходятся между собою. Иной, например, полагает: справедливое(δίκαιον)вот что, — солнце; потому что оно одно, все проникая(διαϊόντα)и разгорячая(κίοντα), управляет сущим. А как скоро, выслушав это, будто что-то прекрасное, я начинаю с удовольствием пересказывать кому-нибудь то же самое, — этот слушатель смеется надо мною и спрашивает: неужели, думаешь, у людей не бывает ничего справедливого, когда солнце зашло? Потом, склоняясь на мои доуки, он с своей стороны заявляет, что справедливое есть самый огонь. Но в этом нелегко удостовериться. Другой понимает здесь не самый огонь, а скрывающуюся в огне теплоту. Третий смеется над всеми подобными мнениями и говорит: справедливое есть то, чем признает его Анаксагор, — это ум; потому что ум, по мнению Анаксагора, самодержавно и ни с чем не смешиваясь, проходит всюду и устроит все вещи⁵¹. Так здесь, друг мой, я прихожу гораздо в

Zenobius, Cent. VI, Prov. 23; Eustathius ad Hom. Odys. p. 302, 2. Употребление ее, по замечанию Leopard. (Emendatt. 1, c. 22), особенно нравилось церковным писателям.

⁵¹ Τό δίκαιον опять принимается за одно и то же σῶαίτιον.

большее недоумение, чем в каком находился, когда только что начал изучать справедливое, что такое оно. Впрочем, имя-то, ради которого было у нас исследование, приложено к справедливому, явно, поэтому.

Ерм. Мне представляется, Сократ, что ты слышал это от кого-нибудь, а не сам сочинил.

Сокр. А касательно других-то имен?

Ерм. Те не так.

Сокр. Слушай же. Может быть, я и в остальном обману тебя, будто говорю, не слушав никого. Что еще остается у нас после справедливости? Думаю, мы не рассматривали еще мужества. Несправедливость-то (ἀδικία) ведь, в существе дела, очевидно, есть только помеха тому, что проникает (διαϊόντος), а мужество (ἀνδρεία) значит, что это имя получило свое начало от борьбы; борьба же, когда что течет (ρεῖ), существенно условливается не иным чем, как

Из этого видно, почему здесь могло быть упомянуто положение Анаксагора, о котором см. Phaedon.p. 98 В. Анаксагор понимал ум, как αὐτοκράτορα, не подчиненного никакой чуждой власти, или, как говорит Aristot. (De anima, I, 2, 22, III, 4, 3, 5), ἀπαθῆ (см. Trendelenb.ad Arist. de anima p. 467). Сюда же относится его выражение: οὐδὲν ἐμμιγμένον, или ἄμιγῆ, ибо, смешавшись с чужими частями, ὁ νοῦς не имел бы возможности упорядочивать и устроить природу вещей.

противным течением(ἐναντίαν ῥοήν). Поэтому если из имениἀνδρείαмы выкинемδ,то самое дело укажет на имяἀνρεία.Но явно, что не всякому течению противное течение естьἀνδρεία,а только тому, которое направляется против справедливого; ибо иначе мужество не было бы похваляемо. И мужеский пол(ἀρρεν)и мужчина (ἀνήρ)близко подходят к сказанному значению, то есть, к течению вверх (ἀνω ῥοή). Напротив, женщина(γυνή), по моему представлению, значит порождение(γυνή). Женский же пол(θήλυ)назван, кажется, от сосца(θηλής);а сосец-то(θηλή), Ермоген, не от того ли, что орошаемое им он заставляет цвести(θηλεῖν)?

Ерм. Видно, так, Сократ.

Сокр. Даже самое слово ботеть(θάλλειν), по моему мнению, выражает возрастание юношей, так как возрастание их совершается скоро и вдруг. Подделывая это слово, наименователь сложил его из глаголовθεῖν(бежать) иἄλλεσθαι(скакать). Но ты не замечаешь, что я несусь как бы вне поприща, хватаясь за легкое: тогда как у нас остается еще много такого, что кажется серьезным.

Ерм. Ты говоришь правду.

Сокр. И между серьезными-то вещами надобно взглянуть на искусство, что значит оно.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но искусство-то(τέχνη)не означает ли

обладания умом(εξῆν νοῦ), если отнимешь буквы, а междух,виηвнесешьо.

Ерм. Это-то очень натянуто, Сократ.

Сокр. Ты не знаешь, почтеннейший, что первые установленные имена уже завалены теми, которые хотели придать им трагический характер, чрез прибавку и убавку букв ради благозвучия и чрез различное перевертывание их, в видах украшения и по вкусу времени. Вот и в словекáτοπτρον(зеркало) не кажется ли тебе странную вставка буквыр? Ведь это делают, думаю, те, которые нисколько не заботятся об истине, а только фигурничают устами; так что, внесши многое в первые имена, они наконец производят то, что ни один человек не понимает, что значит известное имя; например, и сфинкса(σφίγγα), вместо финкса(φινγῶς), называют сфинксом, имноее другое.

Ерм. Это так, Сократ.

Сокр. С другой стороны, кто позволит себе вносить в имена и отнимать от них, что заблагорассудит, тот будет иметь большое удобство прилаживать всякое имя ко всякой вещи.

Ерм. Ты правду говоришь.

Сокр. Конечно, правду. Поэтому тебе, мудрому вождю речи, надобно, да и естественно, думаю, соблюдать меру.

Ерм. Желал бы.

Сокр. И я вместе с тобою желаю, Ермоген; только не слишком гоняйся за точностью, любезнейший, чтобы не надорвать моих сил⁵². Ведь я приступаю к главнейшему в том, о чем говорил; так как после имени τέχνηмы будем рассматривать слово μηχανή. Μηχανή(машина), мне кажется, есть знак длинного пути к совершенству(ἄνειν); потому что μήκος(долгота) означает длинный путь. Так из обоих этих слов — μήκοςἄνειν, — сложено имя μηχανή. Но, как я и сейчас сказал, нам надобно идти к главнейшему в том, о чем было говорено: теперь должно исследовать, что значат имена: добродетель(ἀρετή)и порок(κακία). Одного из них я еще не достигаю своим взглядом, а другое кажется мне очевидным, потому что согласно со всем прежним. При всеобщем движении вещей, все идущее дурно(κακῶς)есть порок(κακία);а когда это совершается в душе, — что она дурно направляется путем дел, — тогда оно, от имени целого, называется пороком по преимуществу. А что значит идти дурно, мне кажется явно и из слова δειλία(робость), которое мы прошли не

⁵² Чтобы не надорвать моих сил, μή μ' ἀπογυιώσης μένεος, — слова Гектора, *Hom. Iliad. VI, 265*: μή μ' ἀπογυιώσης μενεος δ' ἄλκῆς τε λάθωμαι. Это — тонкая насмешка Сократа над строгостью и серьезностью Ермогена в производстве имен.

рассмотревши, тогда как следовало рассмотреть его вместе сάνδρεία(мужеством); должно быть, пропущено у нас и многое другое. Словоδειλία(робость души) означает крепкие узы; иβολίαν(слишком) есть некоторая сила: поэтомуδειλίαдолжно выражать сильные и величайшие узы души; равно как и словомἀλογία(недоумение) и всяким другим, которым, как видно, указывается на препятствие в хождении и движении, выражается зло. Так вот что, по-видимому, значит дурно идти: значит задерживаться и встречать препятствия в хождении; и когда это бывает в душе, тогда она становится полна порока. Если же в этом имя «порок», то имя «добродетель»(ἀρετή)будет противно сему, означая сперва удобное хождение, а потом — разрешенное течение доброй души; так что это имя досталось, как видно, тому, что всегда течет (ἀεὶ ρέον)неудержимой беспрепятственно. Посему добродетель правильно было бы называтьἀεῖρεΐτη(всегда текущую). Впрочем, может быть, разумеют под нею иἀρετήν(избранную), так как она есть состояние самое избранное. Сокращенно же называли ееἀρετή.Теперь, может быть, не станешь говорить, что я выдумываю. Полагаю, что если правильно сказанное мною перед сим, что такое порок, то правильно и это имя — добродетель.

Ерм. Но что будет значить имякакòν(зло), о котором преждетымного говорил?

Сокр. Станным, клянусь Зевсом, кажется мне это имя, и трудным для объяснения. Так и к нему я прилаживаю ту машину.

Ерм. Какую это?

Сокр. Ту, которую назвали мы чем-то варварским.

Ерм. Походит-таки, что говоришь правду. Впрочем, если хочешь, оставим это и постараемся рассмотреть прекрасное и постыдное; что в них скрывается основательного.

Сокр. Смысл словаαἰσχρόν(постыдное) представляется мне даже явным; ибо он согласен с прежними исследованиями. Мне думается, что налагатель имен всегда укоряет вещи, препятствующие течению и задерживающие его; а потому и здесь всегда задерживающему течение(ἀεὶ ἴσχυοντι τὸν ῥοῖν)дал это имяἀεὶσχοροῖν,сокращенно произносимое теперьαἰσχρόν.

Ерм. Что же будет прекрасное?

Сокр. Это труднее понять, хотя смысл-то его зависит только от гармонии и долготы слогаοῖ.

Ерм. Как это?

Сокр. Это имя, по-видимому, есть наименование рассудка.

Ерм. Как ты говоришь?

Сокр. Ну да по какой причине, думаешь,

названа каждая вещь? Не эта ли причина дала имена?

Ерм. Непременно.

Сокр. И не в рассудке ли она или богов, или людей, или тех и других?

Ерм. Да.

Сокр. Ноτὸ καλέσαν(назвавшее) вещи иτὸ καλὸν(прекрасное) не то же ли самое, — не рассудок ли это?

Ерм. Видимо.

Сокр. А все, что производится умом и рассудком, не есть ли произведение похвальное? Напротив, что не ими, — достойно порицания?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но врачевным производится врачевное, плотническим — плотническое? Или как ты скажешь?

Ерм. Скажу так.

Сокр. Стало быть, прекрасным — прекрасное?

Ерм. По крайней мере, надобно полагать.

Сокр. А это-то — не рассудок ли, как мы говорим?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, это наименование, τὸ καλὸν(прекрасное), правильно прилагается к разумности, когда она совершает такие вещи, которые мы с удовольствием называем

прекрасными.

Ерм. Видимо.

Сокр. Что же еще остается у нас из этого?

Ерм. Остаются слова, относящиеся к доброму и прекрасному: пригодное, выгодное, полезное, прибыльное и противное всему этому.

Сокр. Ἐμφέρον(пригодное), вероятно, найдешь и ты, если будешь соображать прежнее, ибо оно родственно с знанием: оно выражает не иное что, как движение(φορὰν)души вместе с вещами; поэтому происходящие отсюда дела, от совместного движения(ἔμφεροντα)названы пригодными(συμφέροντα), или вместе движущимися(σύμφορα).

Ерм. Походит.

Сокр. Ἀκερδάλεον(прибыльное) происходит от κέρδος(прибыль). Κέρδος же обнаружит свое значение, если вместо поставить в нем; потому что им иначе только именуется доброе. Проходя во все, оно смешивается(κεράννυται), и налагатель имен, чтобы означить эту его силу, дал ему такое и имя; а потом, вместо, поставили ди стали произносить κέρδος.

Ерм. Λυσιτελοῦν же (выгодное) что такое?

Сокр. По-видимому, употреблять это слово, Ермоген, надобно не так, как употребляют его торговцы, понимая под ним вознаграждение расхода; не этот, мне кажется, смысл заключает в

себелοσιτελοῦν(выгодное), а тот, что оно, будучи быстрее всего, не позволяет останавливаться делам и, когда движение пришло к концу, не дает ему застаиваться и прекращаться, но всегда разрешает остановку(λύει τέλος), если бы она хотела существовать, и делает движение непрерывным и бессмертным. Поэтому-то, мне кажется, добро почтили словом выгоды(λυσитеλοῦν), ибо выгодным(λυσитеλοῦν)назвали движение, разрешающее конец(λύον τὸ τέλος).Ἐφέλιμονже (полезное) — слово иностранное, которым часто пользуется и Омир в формеἠφέλλειν:это — название увеличения и возрастания.

Ерм. Но что будут у нас имена, этим противные?

Сокр. Те, которыми выражается отрицание их, по крайней мере по моему мнению, не должны быть исследуемы.

Ерм. Какие это?

Сокр.

Ἀξύμφορον(непригодное), ἄνωφελές(бесполезное), ἄλυσитеλές(невыгодное), ἄκερδές(неприбыльное).

Ерм. Правду говоришь.

Сокр. Ἀβλαβερόν(гибельное) иζημιῶδες(вредное) достойны исследования.

Ерм. Да.

Сокр. Ἰβλαβερόν-то (гибельное) есть вредящее течению(βλάπτων τὸν ῥοῦν);а

вредящее(βλάπτων)опять есть желающее связать(ἄπτειν);связывающее же и вяжущее(ἄπτειν καὶ δεῖν) — одно и то же: это имена порицания. И так, что желает связать течение(τὸ βρολόμενον ἄπτειν ῥοῦν), то правильно могло бы быть названоβρολαπτεροῦν,а для красоты, как мне представляется, стали называть этоβλαβερόν.

Ерм. Пестры выходят у тебя имена-то, Сократ; ты как будто насвистываешь теперь прелюдию посвященной Афине песни⁵³ когда произносишь это имя — βρολαпτεροῦν.

Сокр. Не моя вина, Ермоген; виноваты полагатели имен.

Ерм. Правда. Ноζημιῶδες(вредное) что же будет?

Сокр. Что будетζημιῶδες?Смотри, Ермоген, как я справедливо говорю, полагая, что чрез прибавку и отнятие букв сильно переиначивается

⁵³ Песня, νόμος, или напев песни, посвященной Минерве, весьма разнообразился. См. PolluxIV,77, сн. IV,66.Hesych. inv.Αθηνᾶ. И так, Ермоген в шутку говорит Сократу, что он как бы пропел прелюдию к песне, посвященной Минерве, когда имяβρολαпτεροῦςпредставил в таких разнообразных сочетаниях. Если, то есть, самая тема песни принимает большое разнообразие, то и прелюдия к ней не может быть проста и ровна, потому что иначе не соответствовала бы разнообразию ее модуляций.

смысл имен; так что иногда хоть чуть-чуть переверни имя, — тотчас выйдет противное значение. Таково, например, и слово δέον (вяжущее): я привел его на мысль и вспомнил сейчас, по поводу того, о чем хотел тебе говорить, — что новый наш язык, такой прекрасный, скрывая свой смысл, так перевернул слово δέον в τὸ ζήμιον, что они показывают противное, тогда как древний тем и другим словом выражает именно то, что они значат.

Ерм. Как ты говоришь?

Сокр. Я скажу тебе. Ты знаешь, что древние наши весьма часто употребляли ιιδ; не менее употребляют эти буквы и женщины, которые особенно сохраняют древний язык. А теперь вместо ιи ввертывают в слова ιиιιιιιιι, вместо жед — ζ, так как эти буквы великолепнее.

Ерм. Как же это?

Сокр. Например, ἡμέραν (день) древнейшие называли ιμέραν, другие — ἐμέραν, а нынешние называют ἡμέραν.

Ерм. Так.

Сокр. А знаешь ли, что только этим древним именем выражается мысль налагателя имен? Ведь он назвал день ιμέραν потому, что применялся к радующимся людям, которые желают (ιμείρουσιν) из тьмы перейти в свет.

Ерм. Видимо.

Сокр. А теперь-то подняли это слово на ходули, так что и не поймешь, какой, смысл имеет ἡμέρα, хотя некоторые думают, будто день(ἡμέρα)делает людей кроткими(ἡμερα), и потому так назван.

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Ἰζυγόν-то(ярмо), знаешь, древние называли δυογόν.

Ерм. Конечно.

Сокр. Ἰζυγόν-тоничего не выражает, между тем как двум(δοεῖν), связанным для везения(ἐς τὴν ἀγωγήν), справедливо дано имя δυογόν. А теперь ζυγόν. Множество и других имен этого рода.

Ерм. Видимо.

Сокр. Так вот таким же образом, во-первых, так называемым δέον (вяжущее) означаетс противное всем именам, относящимся к добру; потому что, по идее добра, δέον есть δεσμός (узы) и препятствие в движении, сродное вредному.

Ерм. И очень так представляется, Сократ.

Сокр. Но не то выйдет, если мы воспользуемся именем древним, которое положено, вероятно, гораздо правильнее, чем нынешнее, и которое будет согласно с прежними именами добра, если, вместо ε, мы внесем в него ι, как произносили древние; ибо не δέον значит оно, а διόν — проникающее добро, и его-то налагатель имен действительно хвалит Да таким образом не будет он

противоречить и самому себе, но тем же самым с словом δέον будет представляться ему и полезное, и выгодное, и прибыльное, и доброе, и пригодное, и благоуспешное; — это слово выразится только различными именами и, проходя своим благоустроением всюду, будет представлять достойное похвалы, тогда как задерживая и связывая, оно вызывает порицание. Даже и ζημιῶδες (вредное), если, по требованию древнего языка, вставить в это имя дельту вместо зиты, переименовшись в δημιῶδες, представится тебе именем, вяжущим идущее.

Ерм. Но что будут значить, Сократ, слова: ἡδονή (удовольствие), λύπη (скорбь), ἐπιθυμία (пожелание) и подобные этим?

Сокр. Это, как мне кажется, Ермоген, не очень трудные. Ведь ἡδονή (удовольствие) получило это имя, как действие, стремящееся, по-видимому, к полезному (ὄνησιν); а дельта вставлена в него с тою целью, чтобы оно, вместо ἡονῆς, произносилось ἡδονή. А λύπη (скорбь) названо так, кажется, от разложения (διαλύσεως), которому в этом состоянии подвергается тело. И ἀνία (печаль) тоже есть препятствие к шествию (ίέναι). А ἀλγηδών (мучение) представляется мне словом иностранным, происшедшим от ἀλγεινὸν (мучительное). Потом, ὀδύνη (грусть) получило это имя, по-видимому, от вхождения (ἐνδύσεως) скорби.

А ἀχθῆδών (тоска), как явно для всякого, есть имя, уподобляющееся тяжести движения. Теперь χαρὰ⁵⁴ (веселье) обязано своим именем, по-видимому, разливу (διαχύσει) и свободе течения (ῥοῆς) души. Τέρψις (увеселение) произведено от τερπνόν (увеселительное); ατερπνόν (увеселительное) названо по подобию пресмыкающегося (ἔρψεως) в душе дыхания (πνοῆ): по правде произносили его ἔρπνουν, но с течением времени оно перешло в τέρπνον. Что же касается до εὐφροσύνη (радость), то нет нужды говорить, почему она так названа; ибо для всякого явно, что она получила это имя, εὐφροσύνη, от хорошего (εὖ) сдружения (ξομφέρεσθαι) с делами, и это-то справедливо; не смотря однако ж на это, мы называем ее εὐφροσύνη. Не трудно и слово ἐπιθυμία (пожелание); ибо явно, что это имя получило свое начало от силы, идущей к сердцу (ἐπὶ τὸν θυμόν); а θυμός (сердце) ведет свое название от пыла (θύσεως) и горячности души. Но ἱμερός-то (приманка любви) придано особенно влекущему душу потоку (ῥῶ); ибо так как оно сильно течет (ἰέμενος βεῖ), жажда

⁵⁴ Имя χαρᾶς приложено к разливу души, вероятно оттого, что, по взгляду древних, душа от радости расширяется, а от печали сжимается; эту самую мысль Платон высказал также в Фнлебе (р. 31 А) и Симпосионе (р. 206D).

дел, и таким образом желанием течь могущественно привлекает душу, то от этой всей силы и называется ἵμερος. Ἴμερος называется также и πόθος, означая этим стремление не к настоящему, а к находящемуся где-то и отсутствующему, отчего и наименовано πόθος. Πόθος, когда предмет желания был присущ, называлось ἵμερος; а то же самое ἵμερος, когда предмет в отсутствии, называется πόθος. Ἔρως же (любовь), так как он втекает (ἐςρεῖ) извне, входит чрез глаза, а не составляет домашнего потока в том, кто его имеет, по этой причине, от втечения (ἐςρεῖν), в древности назывался ἔσρος; ибо тогда вместо ω мы употребляли⁵⁵ ο, а теперь, о заменив ω, стали называть его ἔρωσ. Не укажешь ли еще чего-нибудь, что должны мы рассмотреть?

Ерм. Как представляется тебе δόξα (мнение) и подобное этому?

Сокр. Δόξα наименована или по

⁵⁵ Евстафий(ad Iliad,p. 1001s.p. 246T. III,ed. Lips.) говорит:Ἐπι δὲ τὸ στοιχεῖον οὐ ἐγράφετο,κατὰ καὶ τὸ ε εἰ,δηλοῦσιν οἱ παλαιοί.Καὶ ἡ αἰτία,ἵνα στοιχειακῶς περισπῶνται καὶ αὐτὰ ὡς μακρὰ βραχέα γὰρ ὄντα οὐκ εἶχον περισπᾶσθαι.Из этого места и p. 426 ученые заключают, что Кратил написан послеXCIV2 олимп. так как в этом году, под магистратурою Эвклида, ионийские гласные Η иΩОфициально приняты были в алфавит. См. Muret. Varr.Lectt.XVIII,с. 1.Wesseling.ad Petit, leger. Attic. p. 194 et al.

преследованию (διώξει), — когда душа идет преследовать знание, каковы вещи, или по полету стрелы (τόξου) к последнему подходит ближе: потому что с этим согласуется мнимость (οἴσις). Полетом стрелы указывается, по-видимому, на стремление души к вещи, какова каждая из них, равно как и воля (βουλή) имеет значение в отношении к полету стрелы (βολή); иметь же волю (βούλεσθαι) значит желать, а желать значит советоваться (βουλεύεσθαι). Все это, взятое вместе, изображается подобием летящей стрелы; равно как и противное — ἀβουλία (необдуманность) есть, кажется, неудача, когда кто не добросил (οὐ βαλέντος) и не попал в то, во что бросал, чего хотел, к чему стремился и о чем советовался.

Ерм. Твой разбор, Сократ, кажется, пошел уже гуще.

Сокр. Потому что хочу кончить. Думаю только разобрать ἀνάγκην (необходимость), которая в связи с прежним, и слово ἐχούσιον (добровольное). Ἐχούσιον есть уступающее, не противоборствующее, однако ж, как говорю, уступающее тому, что идет (εἶχον τῷ ἰόντι): этим именем выражается уступка по желанию. А ἀναγκαῖον (необходимое) и ἀντίτοπον (противоборствующее), как происходящее против воли, есть то, что относится к погрешности и невежеству; это слово принаровлено к шествию по

ущельям (κατὰ τὰ ἄγκη), где препятствия, скалы и поросты задерживают движение. Оттого-то, может быть, и вышло ἀναγκαῖον, что движение уподоблено шествию по ущельям (διὰ τοῦ ἄγκους). Но пока будет у нас сила, не оставим ее праздною; не оставляй и ты, а спрашивай.

Ерм. Спрашиваю о важнейшем и прекраснейшем, — об истине и лжи, о сущем и о том самом, о чем у нас теперь речь, — об имени: для чего бывает имя?

Сокр. Называешь ли ты что-нибудь μαίεσθαι?

Ерм. Да, это-то значит искать.

Сокр. Так ὄνομα есть имя, выраженное словом, показывающим, что это есть сущее искомое. В этом ты еще более можешь увериться из того, что называем мы именуемым; ибо здесь ясно высказывается, что сущее есть то, относительно чего бывает изыскание (μάσμα). И слово ἀλήθεια (истина) также составлено, по-видимому, из других слов; потому что этим словом — истиною — означает божественное движение сущего, или как бы божие хождение (θεία ἄλη). А ψεύδος (лож) противоположно движению; потому что, задерживаемое и принуждаемое молчать, становясь опять предметом порицаемым, оно взято по подобию спящих (καθεύδοοσι), и только приданное ψ скрывает значение этого имени. Потом, ὄν

(сущее) или οὐσία (сущность), приняв и, приходят к согласию с истинным, так как оно в этом случае означает идущее (ἰόν), а οὐκ ὄν опять, как некоторые и называют его, не идущее (οὐκ ἰόν).

Ерм. Это-то, кажется мне, Сократ, ты составил мужественно. Но если бы кто спросил об этих именах: τὸ ἰόν (идущее), τὸ ῥέον (текущее), τὸ δοῦν (вяжущее), — какая заключается в них правильность?

Сокр. То что отвечали бы мы ему, говоришь? Не так ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. Мы сейчас вывели одно, на чем основываясь, можем, кажется, отвечать дельно.

Ерм. Что именно?

Сокр. Можем то, чего не знаем, принимать за что-то варварское. Иногда, пожалуй, и в самом деле встретится нечто такое, а иногда начала имен надобно отыскивать у древних: ведь если имена везде извращаются, то не удивительно, что древний язык от нынешнего варварского ничем не отличается.

Ерм. Невероятного-то в твоих словах ничего нет.

Сокр. Да, я говорю вещи обыкновенные. Впрочем, это не кажется мне поводом уклоняться от борьбы: напротив, надобно старательно исследовать дело. Вникнем же: кто будет всегда

спрашивать о словах, из которых состоите. имя, а потом опять станет направлять свои вопросы к тому, из чего составлены слова, и не захочет прекратить своих расспросов; то отвечающий не будет ли наконец приведен к необходимости отказаться?

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Но отказывающийся по усталости когда перестал бы отвечать справедливо? Не тогда ли, как пришел бы к тем именам, которые оказывались бы стихиями других слов и имен? Ведь эти стихии уже несправедливо было бы почитать сложенными из других имен, если они таковы. Например, недавно τὸ ἀγαθὸν (добро) мы признали сложенным из слов ἀγαστὸν (удивительное) и θοόν (быстрое): но θοόν, может быть, произошло из других слов, а ἀγαστὸν опять из других. Предположим однако, что эти имена не сложены уже из каких-нибудь других: тогда мы справедливо можем сказать, что пришли уже к стихиям, и что этого больше не надобно относить к другим именам.

Ерм. Ты, мне кажется, правильно говоришь.

Сокр. Так не стихии ли и те имена, о которых ты теперь спрашиваешь, и не должно ли уже каким-нибудь иным способом исследовать их правильность, в чем она состоит?

Ерм. Вероятно.

Сокр. В самом деле вероятно, Ермоген: по-видимому, и все прежнее-то приходит к этому. Если же это так, как представляется мне, то смотри сюда вместе со мною, не с ума ли я схожу, полагая, в чем должна состоять правильность первых имен?

Ерм. Говори; лишь бы только достало у меня силы, — буду рассматривать вместе с тобою.

Сокр. Что одна-то некоторая правильность у всякого имени, первого и последнего, и что некоторое из них, как имя, ничем не отличается от другого, — думаю, и тебе кажется.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но правильность рассмотренных-то нами теперь имен была у нас такова, что ею показывалось, каково каждое сущее.

Ерм. Как не показывалось.

Сокр. А такими-то должны быть не менее первые, как и последние, если это будут имена.

Ерм. Конечно.

Сокр. Последним же возможно было сделаться такими, как видно, чрез прежние.

Ерм. Видимо.

Сокр. Пускай. Но первые-то, пока им еще не подлежат другие, каким образом с надлежащею ясностью выразят нам вещи, если надобно им быть именами? Отвечай мне вот на что: представь, что у нас не было бы ни голоса, ни языка, а хотелось бы дать знать другим о вещах; — не стали ли бы мы,

как теперь глухонемые, делать знаки руками, головою и прочими частями тела?

Ерм. Как же иначе, Сократ?

Сокр. И вот если бы, думаю, захотели мы выразить верхнее и легкое, то, подражая самой природе вещи, подняли бы руку к небу; а когда бы нижнее и тяжелое, — к земле. Равным образом, желая означить бегущего коня, или иное животное, мы уподобляем им, знаешь, свое тело и его положения.

Ерм. Необходимо бывает так, как говоришь.

Сокр. Стало быть, выражение чего-нибудь совершается телом, поколику оно подражает, как видно, другому телу, которое хочет выразить.

Ерм. Да.

Сокр. А когда мы хотим выразить что-нибудь голосом, языком и устами, тогда выражение каждой вещи будет происходить у нас не от этих ли орудий, поколику чрез них делается подражание чему либо?

Ерм. Мне кажется, необходимо.

Сокр. Стало быть, имя есть, как видно, подражание посредством голоса тому, чему подражает и что называет подражающий голосом, когда подражает.

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Но, клянусь Зевсом, друг мой, это, по моему мнению, что-то не так у нас выходит.

Ерм. Почему же?

Сокр. Мы должны бы были согласиться, что подражающие овцам, петухам и другим животным называют то, чему подражают.

Ерм. Правда.

Сокр. Так это кажется тебе хорошо?

Ерм. Мне не кажется. Но какое подражание, Сократ, составляло бы имя?

Сокр. Во первых, мне кажется, — не такое, как если бы мы подражали вещам — как подражаем музыкой, хотя бы в то же время подражали им и голосом; во вторых, и не такое, чтобы подражать тому же, чему подражает музыка, не означая подражаемого именем. Я говорю вот что: каждой вещи приличен свой голос и образ, а многим и цвет.

Ерм. Конечно.

Сокр. Так имя — не там, где есть это подражание, и не такими подражаниями занимается искусство наименовательное; ибо эти-то подражания свойственны во первых музыке, во вторых живописи. Не так ли?

Ерм. Да.

Сокр. А что будет вот это? Не кажется ли тебе, что во всякой вещи есть сущность, как есть цвет и все, что мы рассмотрели? Во первых, самому цвету и голосу, тому и другому порознь, равно как и всем прочим свойствам, стоящим быть наименованиями чего-нибудь, не принадлежит ли

какая-нибудь сущность?

Ерм. Мне кажется.

Сокр. Что же? Если бы кто мог этому самому, — сущности каждой вещи, — подражать буквами и слогами, то выразил ли бы, что значит каждая вещь? Или нет?

Ерм. Конечно, выразил бы.

Сокр. А чем признать могущего сделать это? Из прежних одного назвал ты музыкантом, другого живописцем, — а этого кем?

Ерм. Мне кажется, Сократ, что это тот, кого мы давно ищем, — это наименователь.

Сокр. Но если ты говоришь правду, то, видно, надобно уже исследовать те имена, о которых спрашивал, то есть слова: ῥοή (течение), ἴέναι (шествие) и σῆξις (удержание), — выражают ли они буквами и слогами вещи, к которым прилагаются, так, чтобы подражали сущности, или не выражают.

Ерм. Конечно.

Сокр. Давай же посмотрим, одни ли только эти имена принадлежат к числу первых, или есть и многие иные.

Ерм. Я думаю, есть иные.

Сокр. Вероятно. Но какой возможен способ различения их, чтобы подражателю начать подражание? Так как подражают сущности обыкновенно слогами и буквами, то не всего ли

правильнее сперва различать стихии, подобно тем, которые, приступая к ритмам, сперва различают силы стихий, потом силы слогов, и таким образом переходят уже своим исследованием к ритмам, — прежде же не переходят?

Ерм. Да.

Сокр. Не так ли и мы должны сперва различить гласные, а потом и другие, по видам их, то есть согласные и безгласные: ведь так говорят люди, в этом отношении сильные. За тем опять, которые буквы не гласные, хотя впрочем, и не безгласные? Да и между самыми гласными сколько есть разных видов! И когда мы хорошо разберем все это, надобно будет снова взять имена и смотреть, есть ли что такое, к чему все они относятся, как стихии, из которых можно узнавать вещи, и есть ли у них виды таким же образом, как в стихиях. Хорошо рассмотревши все это, надобно уметь каждое имя приложить по подобию, — нужно ли будет одной вещи приписать одно, или с одним смешать многие, — как делают живописцы, которые, стараясь о сходстве, употребляют то одну пурпуровую краску, то какое-нибудь иное снадобье, а иногда смешивают многие цвета, когда, например, готовят цвет человеческого тела, или что другое в этом роде, так как всякое изображение требует, думаю, особого состава. Подобно этому будем и мы применять стихии к вещам, и, то одну

соединяя с одной, где покажется это нужным, то взявши многие, станем образовать так называемые слоги, а потом опять устанавливать соединение слогов, из чего составятся⁵⁶ имена и глаголы; из имен же и глаголов наконец разовьем уже что-нибудь большое, прекрасное и целое, — разовьем, как там, например, животное — живописью, так здесь речь — именовсловием, или риторикою, или какое оно ни будь, это искусство. Или, лучше сказать, будем делать это не мы, — я увлекся словом; имена, как сложены они, сложили

⁵⁶ Из чего составятся имена и глаголы, ἐξ ὧν τὰ τεὸνὸματα καὶ ῥήματα συντίθενται. Здесь, не смотря на подлежащие среднего рода, глагол стоит во множественном числе. Гейндорфу до того не нравится это, что он советует 634E, Ad Rempubl.p. 386; Поппом, Prolegg. ad Thucydid.1,p. 97A, Ad Xenoph. Anabas. I, 2, 23 et al. рассмотревши эти примеры внимательно, всякий заметит, что множественным числом означается или множество частей, или какое-нибудь подразумеваемое имя мужского рода, имеющее то же значение с именем среднего рода. Последний случай особенно возможен при означении животных. АБернарди(Syntax.p. 418) полагает, что аттики в ежедневном разговоре после имен среднего рода употребляли глагол во множественном числе, водясь просто правилом вежливости. множественное число переменить в единственное. Но есть много причин, почему аттики имена среднего рода соединяли иногда с множественным числом. Примеры таких соединений собраны Астом, Ad legg.p. 46, 1, p.

их так древние: нам же надобно, если только положим исследовать все это научно, так различив их, рассматривать с той стороны, — правильно ли приложены первые и последние, или нет; а соединять их иначе — как бы не было худо и неметодично, любезный Ермоген.

Ерм. Может быть, клянусь Зевсом, Сократ.

Сокр. Что же? Надеешься ли на себя, что можешь таким образом различить их? Ведь я-то не могу.

Ерм. А мне далеко до того.

Сокр. Так оставим это; или, не хочешь ли, сделаем, что можем, — возьмемся хоть немного рассмотреть это, по силам, сказав наперед, как недавно говорили богам, что, нисколько не зная истины, мы гадаем о ней по человеческим мнениям: позволим себе таким же образом сказать и теперь, что если полезно должно быть кому другому или нам различение имен, то так надобно различать их; а потому в настоящее время мы и обязаны, как говорится, по силам заняться этим. Кажется это? Или как ты скажешь?

Ерм. Конечно, мне-то и очень кажется.

Сокр. Смешными, по-видимому, окажутся вещи, Ермоген, выраженные подражательно буквами и слогами; однако же это необходимо. Для нас нет ничего лучше, как отнести к чему-нибудь истинность первых имен, подражая сочинителям

трагедий, которые, когда в чем недоумевают, тотчас бегут к машинам, чтобы поднять богов: так отделаемся и мы, если скажем, что первые имена наложены богами, и оттого они правильны. Не будет ли и для нас это сильнейшим из оснований? Или — то, что мы приняли их от каких-нибудь варваров, так как варвары древнее нас? Или со стороны древности нельзя рассматривать их и как варварские? Потому что все они легко могли быть отклонительными уловками того, кто не хотел давать отчета в первых именах, правильно ли они наложены. Между тем, кто каким-нибудь образом не узнал правильности первых имен, тому нельзя знать правильность и последних; потому что эти необходимо объясняются теми, о которых он ничего не знает. Стало быть, явно, что называющий себя искусником в отношении этих, должен иметь готовность особенно и яснейшим образом показать свое искусство относительно к именам первым, а не то — быть уверенным, что о последних-то он будет только пустословить. Или тебе калюется иначе?

Ерм. Нисколько не иначе, Сократ.

Сокр. Но то, что я знаю об именах первых, кажется мне очень надутым и смешным. Я передам тебе это, если хочешь; а ты, как скоро можешь откуда взять что-нибудь лучшее, постарайся передать мне.

Ерм. Сделай это. Говори же смело.

Сокр. Во первых, буква ρ (ρ) представляется мне как бы орудием всякого движения; но мы и не сказали, откуда происходит это имя — κίνησις (движение). Впрочем явно, что им означается ἕσις (шествие), ибо в древности мы употребляли не η, а ε. Начало же его от κίειν; а κίειν имя иностранное, и значит идти. И так, кто открыл бы соответственное нашему языку древнее его наименование, тот стал бы правильно называть его ἕσις. А теперь от иностранного κίειν, от замены в нем гласной итою (η) и от внесения в него ν оно названо κίνησις, хотя следовало бы произносить κίεινσις, или ἕσις. Но στάσις (стояние) означает отрицание τοῦ ἰέναι (шествия) и для красоты названо στάσις. — Так стихия ρ, как говорю, есть, кажется, прекрасное орудие движения в устах устанавливателя имен, желающего выразить движущееся (φορά), — и он в самом деле часто пользуется этим орудием для сказанной цели: буква ρ есть явное подражание движению, во первых, уже в глаголе ῥεῖν (течь) и в слове ῥοή (течение), потом в слове τρόμος (трепет), далее в имени τραχύς (страшный), а сверх сего и в таких глаголах, каковы κρούειν (ударять), θραύειν (ломать), ἐρείκειν (раскалывать), θρύπτειν (тереть), κερματίζειν (раздроблять), ῥυμβεῖν (вертеть); все это выражается по большей части буквою ρ. Ведь налагатель имен видел, думаю, что язык, произнося ее, не бывает неподвижен, но сотрясается;

потому-то, представляется мне, и пользовался ею для этого. А и опять употреблял он для выражения всего тонкого, что особенно идет чрез все; потому-то $\acute{\iota}\epsilon\nu\alpha\iota$ (идти) и $\acute{\iota}\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (поспешать) выговаривает чрез ι ; тогда как чрез ϕ , ψ , σ и ζ , имеющие характер букв дышащих, подражает всему такому, и в именах говорит, например: $\psi\omicron\chi\rho\acute{o}\nu$ (холодное), $\zeta\acute{\epsilon}\omicron\nu$ (кипящее), $\sigma\epsilon\acute{\iota}\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (сотрясаться) и вообще $\sigma\epsilon\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ (сотрясение). Отсюда наименователь, подражая чему-нибудь дующему, везде в таких случаях вносит в речь большею частью такие, по-видимому, и буквы. Буквы же: δ , выражающая сжатие языка, и τ — твердость его, каждая, имеют, думал он, силу подражать вязанию ($\delta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$) и стоянию ($\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$). Или опять, состояние падения ($\omicron\lambda\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$) языка замечая в букве λ , по подобию характеризовал он ею $\tau\grave{\alpha}$ $\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ (легкое), самый глагол $\omicron\lambda\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$, также слова: $\lambda\iota\lambda\alpha\rho\acute{o}\nu$ (тучное), $\kappa\omicron\lambda\lambda\omega\delta\epsilon\varsigma$ (клейкое), и все такие. А сила буквы γ противодействует падению языка, и отсюда, по подражанию, вышли слова: $\tau\omicron$ $\gamma\lambda\iota\sigma\chi\rho\acute{o}\nu$ (скользкое), $\gamma\lambda\omicron\kappa\acute{\upsilon}$ (сладкое), $\gamma\lambda\omicron\iota\omega\delta\epsilon\varsigma$ (вязкое). Заметив опять, что буква ν издает звук внутри, и буквами выражая вещи, наименователь обозначал ею внутреннее, сокрытое. Равным образом α придавал он большому ($\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega$), а η — длинному ($\mu\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota$), так как это буквы долгие. А требуя знака для выражения круглоты ($\gamma\omicron\gamma\gamma\acute{\upsilon}\lambda\omicron\nu$),

он большею частью вносил в имя букву о. Так, кажется, поступал налагатель имен, образуя знаки и имена для каждой вещи по буквам и слогам, а из этих уже подражательно составляя и прочее, им соответствующее. И вот что, Ермоген, по моему мнению, означает правильностью имен, если не иное что-нибудь говорит об этом Кратил.

Ерм. Да и в самом деле, Сократ, много-таки доуки, как я и по началу говорил, делает мне Кратил, толкуя о правильности имен, но не говоря ясно, в чем она состоит; так что я не могу понять, добровольно или поневоле он столь темно рассуждает об этом. Скажи-ка вот теперь, Кратил, лично Сократу: нравится ли тебе, как Сократ говорит об именах, или ты можешь рассуждать об этом иным, лучшим образом? Если можешь, говори, чтобы или научиться у Сократа, или научить обоих нас.

Крат. Что ты это, Ермоген? Разве легко, кажется тебе, так скоро научиться и научить всякому делу, не то что этому, которое принадлежит, по-видимому, к делам величайшим?

Ерм. Мне-то, клянусь Зевсом, не кажется. Но я нахожу весьма хорошими вот эти слова Исиода: кто к малому прибавит хоть небольшое, — дело подвинется⁵⁷. Поэтому, если малое нечто ты в

⁵⁷ См. Орр. et DD.359: εἰ γὰρ κεν καὶ σμικρὸν ἐπὶ σμικρὸν

состоянии сделать большим, не отказывайся от труда, но благодетельствуй и этого Сократа и, по справедливости, меня.

Сокр. Да ведь и сам-то я, Кратил, ничего не утверждал, о чем говорил, а рассматривал дело с Ермогеном, как мне представлялось; так и поэтому-то смело говори, если знаешь что лучшее, в той мысли, что слова твои будут приняты. Ведь я и не удивился бы, когда бы ты мог говорить что-нибудь лучшее; потому что, кажется, и сам исследовал это, и учился у других. Так если думаешь сказать нечто лучшее, относительно правильности имен, то по этому вопросу запиши и меня в число твоих учеников.

Крат. Пусть бы, Сократ, как говоришь ты, я и в самом деде занимался этим предметом и, может быть, сделал бы тебя своим учеником; но я боюсь, как бы не вышло совершенно противного, и мне приходит в голову повторить тебе слова Ахиллеса, которые сказал он в молитвах⁵⁸ Аяксу:

Сын Теламонов, Аякс Зевсородный,

καταθεῖο, καὶ θαρὰ τοῦτ' ἔρδοις, τάχα κεν μέγα καὶ τὸ γένοιτο.

⁵⁸ Вмолитвах, ἐν Λιταῖς, Iliad. i, 640sq. Известно, что последнюю часть рапсодии древние означали именем Λιτῶν. См. Hipp. Min. p. 364 E.

властитель народа!

Все, что ты мне говорил, как будто из сердца лилося. Подобным образом и ты, Сократ, изливал мне свои вещания от души, под влиянием ли Эвтифрона было твое воодушевление, или давно таилась в тебе другая какая-то не сознаваемая тобою муза.

Сокр. Ах, добрый Кратил! я и сам давно дивлюсь своей мудрости и не верю ей. Поэтому, кажется, надобно исследовать, говорю ли я что. Ведь быть обманываемым самому от себя всего хуже; потому что если обманщик ни на шаг не отступает, но всегда присущ, то как это ужасно! Так видно, надобно чаще оглядываться на то, что сказано было прежде, и стараться, по словам того поэта; смотреть назад и вперед. Вот и теперь мы видим, что у нас сказано. Правильность имени, говоришь, состоит в том, что оно показывает, какова самая вещь. Достаточно ли, скажем, это положение?

Крат. Мне кажется, Сократ, очень достаточно.

Сокр. Стало быть, имена говорятся для научения?

Крат. Конечно.

Сокр. Так не скажем ли, что есть такое искусство, есть и мастера в нем?

Крат. Конечно.

Сокр. Кто же они?

Крат. Те, о которых ты говорил по началу, — законодатели слова.

Сокр. Скажем ли, опять, что и это искусство живет между людьми, как прочие, или не скажем? Я хочу выразить вот что: между живописцами есть ли одни лучшие, другие худшие?

Крат. Конечно.

Сокр. Лучшие же не лучшими ли представляют нам свои работы, изображения, а другие худшими? И не таким же ли образом домостроители, — одни строят лучшие дома, а другие — худшие?

Крат. Да.

Сокр. Не тоже ли и законодатели, — одни представляют нам свои дела лучшими, а другие — худшими?

Крат. Это мне еще не кажется.

Сокр. Стало быть, тебе не кажется, что одни законы бывают лучше, другие хуже?

Крат. Конечно, нет.

Сокр. Так и имя, как видно, по твоему мнению, в приложении своем не бывает одно хуже, другое лучше?

Крат. Конечно, нет.

Сокр. Стало быть, все имена прилагаются правильно?

Крат. По крайней мере, все имена.

Сокр. Что же? Этому Ермогену (Ἐρμογένει), как мы недавно говорили, и не приложено, значит, такое имя, если оно не сближает его с родом Ермия (Ἐρμιῶ γένεσις), или хотя и приложено, да только неправильно?

Крат. И не приложено, мне кажется, Сократ, а только представляется приложенным: это имя другого, которого именем выражается самая природа⁵⁹.

Сокр. Так не лжет ли тот, кто называет его Ермогеном? Ведь и того опять не было бы, чтобы его называли Ермогеном, если он не Ермоген.

Крат. Как ты говоришь?

Сокр. Не та ли сила твоего слова, что вовсе нельзя говорить ложно? Ведь много людей есть и теперь, было и прежде, любезный Кратил, которые утверждали это.

Крат. Как же бы, Сократ, кто-нибудь, говоря то, что говорит, мог говорить о не существующем? Не то ли значит говорить ложь, когда говоришь о том, чего нет?

Сокр. Хитро твое слово, — не по мне, не по моему возрасту, друг мой; однако ж скажи мне вот

⁵⁹ Не природа проявляет имя, а имя — природу. Поэтому справедливо выразил мысль Фицин: *cui natura inest, quae nomine continetur*.

что: говорить ли только, думаешь, нельзя ложно, а полагать можно?

Крат. Мне кажется, и полагать ложно нельзя.

Сокр. Ни сказать, ни примолвить? Например, пусть бы кто-нибудь, встретившись с тобою на чужой стороне, взял тебя за руку и сказал: здравствуй афинский иностранец, сын Смикриона, Ермоген! — этот, — говорил ли бы он, полагал ли бы это, сказал ли бы, или примолвил, — назвал бы не тебя, а этого Ермогена? Или никого?

Крат. Мне кажется, Сократ, что он напрасно издавал бы такие звуки.

Сокр. Мило и это. Но верные ли издавал бы звуки издающий их, или ложные? Или, опять, одни из звуков были бы верны, а другие ложны? Ведь и этого достаточно.

Крат. Я сказал бы, что такой человек шумит, напрасно сам себя приводит в движение, как будто бы ударом двигал что медное.

Сокр. А ну-ка не переменимся ли, Кратил: не полагаешь ли ты, что иное дело имя, и иное — то, чему принадлежит имя?

Крат. Полагаю.

Сокр. А не соглашаешься ли, что имя есть подражание вещи?

Крат. Всего более.

Сокр. Не говоришь ли также, что